

ЭМРАХ САФА ГЮРКАН

КОРСАРЫ СУЛТАНА

СВЯЩЕННАЯ
ВОЙНА, РЕЛИГИЯ,
ПИРАТСТВО И РАБСТВО
В ОСМАНСКОМ
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ,
1500-1700 ГГ.

ПЕРЕВОД
СТУРЕЦКОГО

Путешественники во времени (ЭКСМО)

Эмрах Сафа Гюркан

**Корсары султана. Священная
война, религия, пиратство
и рабство в османском
Средиземноморье, 1500-1700 гг.**

«ЭКСМО»

2018

УДК 94(560)
ББК 63.3(0)

Гюркан Э.

Корсары султана. Священная война, религия, пиратство и рабство в османском Средиземноморье, 1500-1700 гг. / Э. Гюркан — «Эксмо», 2018 — (Путешественники во времени (Эксмо))

ISBN 978-5-04-161061-6

Эта книга представляет собой грандиозную картину деятельности османских корсаров от Адриатики до Исландии, от Балеарских островов до Азорских островов, созданную известным турецким исследователем. Автор использовал широчайший спектр известных и очень редких источников на английском, французском, османском, итальянском, испанском, португальском, каталонском, немецком и латинском языках, чтобы показать многоплановую жизнь людей моря, окутанную зловещими и романтическими легендами. Основными материалами стали первоисточники: древние документы, старые рукописи, книги, большая часть которых напечатана в XVI–XIX столетиях и известна только самому узкому кругу специалистов. Представлены несколько различных аспектов: культурный (религия, суеверия, сексуальность, повседневная жизнь на борту кораблей корсаров), экономический (раздел добычи, функция пиратства на развивающемся капиталистическом мировом рынке), социальный (пиратство и бандитизм), географический (топография североафриканского побережья), политический (отношения Магриба со Стамбулом) и военный (типы кораблей, состав флота, используемые военные стратегии). В книге приведены цветные иллюстрации кораблей корсаров, представлены многочисленные карты, рисунки и средневековые чертежи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(560)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-04-161061-6

© Гюркан Э., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Слово к русскому читателю	8
Список сокращений	10
Список карт	13
Список таблиц	14
Список черно-белых иллюстраций в тексте	15
Благодарности	16
Вступление	19
Часть 1	28
Раздел 1	28
Два первых поколения: мудехары[27] и выходцы из Восточного Средиземноморья	28
Третье поколение: мусульмане-неофиты Средиземноморья	34
Четвертое поколение: северные мюхтэди	39
Иудеи	48
Христианские газы	50
Местное и национальное корсарство?	52
Раздел 2	54
Как нам читать «Газават Хайреддина-паши»?	55
Оксюмороны[192] пограничья: мюхтэди, христиане и еврейские газы	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Эмрах Сафа Гюркан

Корсары султана. Священная война, религия, пиратство и рабство в османском Средиземноморье, 1500–1700 гг.

Моей любви Элиф...

Emrah Safa Gürkan

Sultanın Korsanları. Osmanlı Akdenizi'nde Gazâ, Yağma ve Esaret, 1500–1700

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Kronik Kitap, 2018 Istanbul Turkey www.kronikkitap.com

© Кульчинский О. Б., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Слово к русскому читателю

Взяв в руки эту книгу, вы, вероятнее всего, спросите себя: с чего бы это внимание русского читателя привлекли османские корсары? А возможно, спросите и о другом: а к чему мне события, происходившие в далекой дали, причем в XVI–XVII веках, когда Россия еще не имела выхода к морю? Но если вы думаете так – значит, вы смотрите на вещи узко, воспринимаете прошлое только в одном аспекте и оцениваете события в отрыве от цельности мировой истории. «Корсары султана» посвящены не воителям креста или полумесяца, не морским сражениям и грабежам, не борьбе разных государств. Это книга о золотом времени мусульманского корсарства в Средиземноморье – со всеми его правовыми, экономическими, социальными, культурными, военными и географическими особенностями. У нее самые разные источники: османские, французские, итальянские, испанские, английские, португальские, каталонские, латинские, немецкие... И позвольте мне объяснить, почему я уже с самого начала так красноречив.

В центре нашего внимания – воздействие корсарства (и его брата-близнеца – рабства) на общество Средиземноморья. Мы поговорим о том, как влиял на права берегового населения некий феномен, приведший к тому, что сотни тысяч людей временно или навсегда уходили с обжитых мест из-за нападений, схожих с набегами татар на русские земли в XVII столетии. Но и это не все. Мы увидим жизнь мюхтэди между их прошлым, от которого они отrekliсь, и неведомым будущим – и пусть читатели, не думая, будто история состоит лишь из нормативных культур, создаваемых в столицах, сами представят, какие страсти кипели в пограничье. В подтверждение сего в нашей книге изучена риторика священной войны – собственно, мы стремились показать, что культура газы, развитая в Стамбуле, не очень-то прижилась на средиземноморском «Диком Западе». Принимая во внимание русскую историю сосуществования с татарами, осмелюсь заметить, что в разделах такой тематики наши читатели найдут нечто очень близкое и знакомое.

В книге подробно рассмотрены и корсарские корабли, и сочетания флота, и военные тактики. Сам я склонен считать, что именно эти части наиболее оригинальны, ведь взор военно-морской историографии до сих пор прикован к океанам, а вот Средиземноморьем (и его корсарами) она во многом пренебрегла. Мы проверили и прояснили массу неясных выражений – которые, к слову сказать, повторяются и донныне, когда речь заходит об упомянутых кораблях. Мы привели и их изображения, взятые из самых разных источников, в том числе и из русских архивов, и рассказали о том, как верфи Северной Африки адаптировались к корабельным технологиям – и о том, как Великие географические открытия стали эпохой нескончаемых преобразований. Говоря о корсарских тактиках, мы раскрыли то, как переменчивые военные цели порождали и различные методы их достижения. И, наконец, мы описали жизнь моряков на пиратских кораблях, – и ясно показали, что военную историю не свести к исследованиям одних лишь сражений и баталлий.

Мы анализируем корсарство не только как род войны – но и как экономическую и правовую деятельность. Оно предстает перед нами как особый способ товарообмена, стоящий наравне с контрабандой и обычной торговлей. Его следует расценить как последнее прибежище агонизирующих отсталых экономик, выживающих за счет нелегальной коммерции – подобно тому, как делает это современный терроризм. Так мы сумеем понять роль корсарства в мировой экономической системе – и провести параллель с реакцией регионов, оставшихся вне центральной капитализма Европы (к ним принадлежит и Россия), на экономическое превосходство Запада.

Точно так же корсарство немного похоже на «войны за опеку» в международных отношениях периода холодной войны, когда два больших блока вступали в затяжную и острую

борьбу. А кроме того, мы говорим об одном из процессов, мотивировавших появление международного права. В дипломатических спорах, в которые активно вовлекались Алжир, Тунис, Триполи, Стамбул и европейские столицы, решалось многое: на чьи корабли могут нападать корсары? При каких условиях? Когда они имеют право инспектировать эти суда? Какие разрешительные документы они должны иметь при себе во время плавания? Какие юридические процедуры последуют в случае нарушения правил? А процедуры эти, кстати, зависели от некоей системы решения конфликтов (англ. *conflict resolution*), возникающих в анархической международной обстановке при отсутствии главенствующей силы.

Весьма вероятно – поблагодарим голливудские фильмы – при упоминании корсаров вам вспоминаются пираты Атлантики или еще более специфические – пираты Карибского моря. Но не стоит забывать: на Западе основы корсарства веками закладывались в Средиземноморье. Мы не раз сравнивали средиземноморских корсаров с пиратами, которые устраивали рейды в Атлантике, на Тихом океане и даже на Дальнем Востоке. По сути, наш труд – это не изучение пиратства как одиночного и локального явления, а скорее попытка связать его с такими историческими феноменами, как Великие географические открытия, малый ледниковый период, революция цен и революция в военном деле, а также возникновение современной бюрократии и постоянных посольств. Ведь лишь такой всесторонний взгляд способен спасти монографию (еще и украшенную парой тысяч сносок) от превращения в занудный детализированный каталог.

Одним словом, я верю, что общая направленность и аргументация книги, которую вы держите в руках, привлекут ваше внимание. Мне хотелось бы сказать, как я волнуюсь, предвкушая встречу «Корсаров султана» с русским читателем. Каждый писатель желает, чтобы его строки предстали перед самым широким читательским кругом. Впрочем, разнообразие кругов еще важнее, чем их количество. Я уверен, что читатели, воспитанные в иной культуре и привыкшие к своей исторической традиции, отличной от моей, сложат об этой книге свое мнение – и тем самым расширят горизонты, пусть даже я и представить не в силах, как это мнение дойдет до меня...

Я крайне признателен сотрудникам издательства «Эксмо», сделавшим все, чтобы донести мой труд до вас, а также – моему дорогому коллеге Олеся Кульчинскому, которому пришлось сражаться с текстом, полным иронии, аллюзий, технических терминов и инверсивных предложений; и наконец, хочу оставить вас с книгой наедине. Приятного чтения!

Эмрах Сафа Гюркан

7 марта 2021 г., Стамбул

Список сокращений

- ACCM – Archives de la Chambre de Commerce de Marseille, Marsilya
AGS – Archivo General de Simancas, Valladolid
AHN – Archivo Histórico Nacional, Madrid
AMAF – Archives du Ministère des Affaires Etrangères, Paris
AMN – Archivo del Museo Naval, Madrid
AN – Archives Nationales, Paris
ASF – Archivio di Stato di Firenze, Floransa
ASG – Archivio di Stato di Genova, Cenova
ASP – Archivio di Stato di Pisa, Pisa
ASV – Archivio di Stato di Venezia, Venedik
ASV – Archivio Segreto Vaticano, Roma
BGUC – Biblioteca Geral da Universidade de Coimbra, Coimbra
BNF – Bibliothèque Nationale de France, Paris
BNCF – BNCF Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze, Floransa
BOA – Başbakanlık Osmanlık Arşivleri, İstanbul / Османский архив премьер-министра Турции, Стамбул
İSAM – İslam Araştırmaları Merkezi, İstanbul / Исламский центр исследований, Стамбул
NAM – National Archives of Malta, La Valetta, Malta
NAV – Notarial Archives, La Valetta, Malta
RGAVMF – Российский архив военно-морского флота, Санкт-Петербург
TSMA – Topkapı Sarayı Mъzesi Arşivleri, İstanbul / Архив Музея палата Топкапы, Стамбул
AMP – Archivio Mediceo del Principato
BAC – Bailo a Costantinopoli
C.BH – C.BH Cevdet Tasnifi, Bahriye / Фонд Джевдета, Бахрие (военно-морской флот) –
BOA
CCX–LettRett – Capi del consiglio di dieci, Lettere di rettori et di altre cariche
COSP – Calendar of State Papers
DocTR – Documenti Turchi
E – Papeles de Estado
DVE – Düvel-i Ecnebiye Defterleri / Регистры иностранных государств – BOA
GF – Gazette de France
GŞS – Galata Şeriyе Sicilleri / Регистры шариатского суда Галаты – BOA
KK – Kamil Kereci / Фонд Камиля Кепеджи – BOA
MD – Mühimme Defterleri / «Важные протоколы» – основные протоколы дивана – BOA
MZD – Mühimme Zeyli Defterleri / Протоколы, приложенные к важным – BOA
SAPC – Senato, Archivio Proprio Costantinopoli
SDC – Senato, Dispacci, Costantinopoli
SDelC – Senato, Secreta, Deliberazioni, Costantinopoli
- b. – итал. *busta*, коробка
c. – итал. *carta*, страница
col. – колонка
dn. – примечание
fil. – итал. *filza* = досье
fol. – итал. *folio* = фолио, лист
hk. – тур. *hüküm* = приказ

k. – тур. *kullanan* = используемый
leg. – исп. *legajo* = коробка
М. Ц. – тур. *Milattan Önce* = до нашей эры
ms. – лат. *manuscriptum* = рукопись
no. – номер
öz. – тур. *özellikle* = особенно
passim – в различных местах
r. – лат. *recto*, правильно
reg. – рег. *registro*, запись
s. – тур. *sayfa* = страница
sic – лат. *sic erat scriptum* = [в тексте] так написано
süt. – тур. *sütun* = столбец
v. – лат. *verso* = сзади
vd. – тур. *ve diğer* = и другие
vdv. – тур. *ve devamı* = и так далее
vr. – тур. *varak* = лист
yak. – тур. *yaklaşık* = приблизительно

a. g.e. – тур. *adı geçen eser* = упомянутое произведение
a. g.y. – тур. *adı geçen yazar* = упомянутый автор
bkz. – тур. *bakınız* = смотрите
d. – тур. *doğum yılı* = год рождения
g. – тур. *görev uyardığı yıllar* = годы службы
karş. – тур. *karşılaştırınız* = сравните
S. – Santo
St. – Saint
yaу. haz. – тур. *hazırlayan* = готовится к изданию

Англ. – английский язык
Араб. – арабский язык
Голл. – голландский язык
Греч. – греческий язык
Исп. – испанский язык
Итал. – итальянский язык
Лат. – латинский язык
Нем. – немецкий язык
Осм. – османский язык
Перс. – персидский язык
Порт. – португальский язык
Фр. – французский язык

Примечание относительно датировки: в османских документах указаны даты и по хиджре¹, и по григорианскому календарю. В венецианском же календаре начало года приходилось на 1 марта, таким образом, после 31 декабря 1567 года наступает 1 января 1567-го (а не 1568-го). В подобных ситуациях помета «m.v.» (*more Veneto*) призвана предостеречь читателя и указать на то, что речь идет о следующем годе.

¹ Хиджра – переселение мусульманской общины под руководством пророка Мухаммеда из Мекки в Медину. От хиджры ведется отсчет лет в исламском календаре. Ее первый год соответствует 622 г. н. э. – Прим. ред.

H. – тур. Hicri = летоисчисление по хиджре

M. – тур. Miladi = нашей эры

Gurre – осм. гурре = первый день месяца в исламском календаре

Selh – осм. селх = последний день месяца в исламском календаре

Evâil – осм. эваил = первая декада месяца в исламском календаре

Evâsit – осм. эвасыт = вторая декада месяца в исламском календаре

Evâhir – осм. эвахир = последняя (третья) декада месяца в исламском календаре

Список карт

1. Лигурийское море
2. Охотничьи территории корсаров в Магрибе и Западном Средиземноморье
3. Берег Неаполя
4. Берег Марокко
5. Британские острова и Нидерланды
6. Норвежское море
7. Эгейское море
8. Пролив Бонифачо
9. Сицилия и Калабрия
10. Берега Алжира и Испании
11. Сицилийский пролив
12. Побережье Туниса
13. Побережье Триполитании
14. Лионский залив
15. Корсика
16. Сардиния
17. Берег Тосканы
18. Балеарские острова
19. Пролив Отранто и Адриатика
20. Ионическое море

Список таблиц

1. Корсарские рейсы в Алжире и их происхождение. 1581
2. Корсарские рейсы в Алжире и их происхождение. 1625-1626
3. Капитаны парусных судов в Триполи. 1677
4. Флотские рейсы Триполи. 1699. 2 августа
5. Алжирский флот. XVII в.
6. Алжирский флот. 1662
7. Алжирский флот. 1676
8. Алжирский флот. 1686. Состояние на 16 октября
9. Алжирский флот. Январь 1688
10. Алжирский флот в морском походе. 1688
11. Алжирский флот. Май 1690
12. Алжирский флот. Сентябрь 1694
13. Алжирский флот. Апрель 1698
14. Алжирский флот. Август 1710
15. Алжирский флот. Июль 1712
16. Алжирский флот. Июль 1724
17. Тунисский флот. XVI-XVII вв.
18. Корсарские корабли в Триполи 1679. Состояние на 2 августа
19. Количество пушек на больших парусниках во второй половине XVII в.
20. Географическое распределение гребцов-невольников на османских галерах, захваченных мальтийскими рыцарями
21. Доход Алжира. 1674-1678
22. Доход Триполи. 1679-1684

Список черно-белых иллюстраций в тексте

1. Галера. XVI в.
2. Система гребли *Alla Sensile*
3. *Alla Sensile* в тройках, она же *Terzarolo*
4. *Monte e Casca*
5. Система гребли *A Scaloccio*
6. План галеаса (*Galeazza*)
7. Бранденбургская меццагалера (*Mezzagalera*). 1692
8. Каравелла
9. Каракка с тремя мачтами
10. Португальская каракка с четырьмя мачтами
11. Сражение Спинолы с английскими галеонами
12. Клас Янсон Висхер-мл. Английский галеон «Золотой Лев»
13. Клас Янсон Висхер-мл. Галеон *Ark Royal*
14. Типы кораблей в 1540 году
15. Реис из «морских разбойников» Алжира
16. Алжирский янычар
17. Алжир в последней четверти XVII в.
18. Ветра
19. Тунис в последней четверти XVII в.
20. Триполи в последней четверти XVII в.
21. пытки рабов в Алжире
22. пытки рабов в Алжире
23. Сражение между флорентийскими галерами и тунисскими кораблями 1
24. Сражение между флорентийскими галерами и тунисскими кораблями 2
25. Сражение между флорентийскими галерами и тунисскими кораблями 3
26. Сражение между флорентийскими галерами и тунисскими кораблями 4
27. Флаги Триполи, Туниса и Алжира
28. Флаг с черепом и рукой
29. Знамя Сале
30. Алжирские флаги
31. Флаги Туниса и Сале
32. Датский патент. 1781
33. Патент от 1799 года. Выдан судну «Сара», ходившему под флагом Гётеборга
34. Меземорта Хюсейин велит засунуть консула Жана ле Ваше в ствол пушки, нацелить ее на французский флот и выстрелить

Благодарности

Первые семена этой книги были посеяны в июне 2005 года на втором этаже факультета менеджмента Анкарского университета Билькент, когда 24-летний студент магистратуры наконец явился к Галилю Иналджикю, чтобы выбрать тему диссертационной работы, а не читать вместе хронику Ашикпашазаде. В любом случае этот студент даже не думал, что тема, выбранная на скорую руку, – лишь бы не коротать жизнь, изучая, сколько стоили в Стамбуле XVIII века хлеб или суконные краски для шелковых изделий Бурсы, – будет завораживать его и через тринадцать лет. И сейчас, по прошествии долгого времени, когда автор этих строк, размышляя о нюансах агентурной деятельности в Средиземноморье, вновь вспоминает ту стародавнюю головную боль, прежде всего он признателен воспитавшим его учителям – Галилю Иналджикю и Габору Агостону. Также автору хотелось бы поблагодарить Феридуна Эмеджена, Кемаля Бейдилли и Али Акйылдыза, не покупившихся ни на научную, ни на моральную поддержку и создавших для него превосходную рабочую среду в турецкой обстановке, где полноценная академическая культура отсутствует. Опять-таки, он обязан поблагодарить Эмилио Сола, Джеймса Коллинза, Джона Макнейла, Фарука Табака, Исмаила Эрюнсала и Октая Озеля, у которых многому научился.

Еще десять лет тому назад создать подобный труд было бы не под силу. Без возможностей цифровой эпохи мы не смогли бы обработать необходимые первоисточники: документы, рукописи, книги, большая часть которых напечатана в XVI–XIX столетиях. И здесь речь не только о таких учреждениях, как *Национальная библиотека Франции* и *Государственный архив Флоренции*, щедро поделившихся их богатым оцифрованным достоянием. Старинные тексты сейчас можно свободно найти в *Google Books* и на таких сайтах, как *archive.org*, легко получив первоисточники и вторичные материалы, о которых многие специалисты даже не слышали. В нашей стране, где количество книг на душу населения никак не достигнет уровня современных цивилизованных стран (исключение – разве что несколько университетов), вообще нет библиотеки, позволяющей следить за новыми изданиями. С учетом этого легко представить, как я счастлив оттого, что в моем распоряжении всегда находилась Библиотека İSAM. Я благодарен всем ее сотрудникам с отделом документации, и прежде всего – Бирюлю Улькерю и моему другу Кенану Йылдызу.

Тем не менее значительную часть французских, испанских, итальянских, португальских, английских, немецких, латинских и каталонских монографий, которые можно приобрести разве что у букинистов, мне пришлось раздобыть самостоятельно. Таким образом, я обязан вспомнить здесь и университетских друзей, благодаря которым получал поощрительные премии, и мою жену, не возражавшую, когда я тратил на литературу деньги из семейного бюджета, и моим приятелям, приславшим книги со всех концов мира.

Возможность написать саму книгу мне предоставил проект TÜBİTAK («Османская империя и обмен новостями в Средиземноморье первой половины XVI века») и инициатива Министерства культуры Испании – «Иная Европа: люди и группы из Восточной Европы и Сефевидского государства в Испании и Испанской Америке в современную эпоху (HAR2015-64574-C2-2-P [MINECO/FEDER])». Я признателен и тем из коллег, с кем сотрудничал в этих проектах. И я вновь благодарен за благосклонность представителей жюри 14-й премии Кадира Хаса, которые признали меня достойным награды для ученых, подающих надежды, и не позволили пасть духом в дни, когда я уже сходил с ума от скуки, выверяя сноски.

Пока рождалась книга, мне помогали многие. Лиам Гаучи Мальта, Дженнаро Варриале Симанкас и Серап Мумджу любезно прислали документы, к которым я запомнил обратиться, когда был в венецианских архивах. Сомер Альп Шимшекер, мой ученик, нашел время, чтобы отобрать для меня немало досье в архивах Лондона, – пусть даже я и не смог внести

их все в свой труд после просмотра. Другой мой студент, Хасан Сайбир, прочел большую часть монографии и обратил мое внимание на различные моменты, которые я упустил из виду. Не пожалели комментариев относительно некоторых разделов Садык Мюфит Бильге, Огузхан Гёксель и Кенан Ыылдыз. Кемаль Бейдилили терзал меня каждый божий день, убеждая воплотить замысел и особенно отобразить рутинную жизнь на корсарских калыетэ со всеми ее изнурительными трудностями. Кая Шахин не только привнес в мой труд идеи и знания, но и благодаря возможностям университета предоставил мне доступ к иностранным источникам, которые мне не удавалось найти. Эмир Енер открыл мне двери своей обширной библиотеки, посвященной морской истории, и был готов без промедления помочь и во многих технических вопросах, и с иллюстрациями. Окай Сютчюоглу не только тщательно прочел мою работу, но и щедро делился своими знаниями о галерах и подводной археологии (а знал он очень много). Мартин Роскегель расшифровал отдельные неясные слова и фразы в латинских текстах, Абдуллах Гюльюглу – в старонемецких, а Мехмет Тютюнджю охотно помогал с нидерландским, которым я не владею. Мой издатель Адем Кочал пристально наблюдал за тем, как я писал книгу – все полтора года, – а с редактором Тугче Инджеоглу мы сумели прекрасно сработаться, даже несмотря на то что я бился за каждое слово.

Еще я хотел бы найти самые теплые слова для моих родителей, приложивших все усилия, чтобы прекрасно воспитать своих сыновей, – в такой стране, как Турция, где превозносятся посредственность. Если бы отец не привил мне любовь к истории и литературе, сегодня я бы уже ожидал сердечного приступа в одном из деловых центров, уставившись в пустоту. Давным-давно, когда мне было лет шесть, а может, семь, и когда я мелкими шажками одолевал подъем Чагалоглу или же часами блуждал среди книжных прилавков, я еще не чувствовал к отцу той благодарности, которая переполняет меня теперь. Я несказанно признателен ему за то, что он первым в жизни дал мне понять, как чтение меняет не только наш разум, но и дух. Я обязан отдать должное и матери, которая всегда самоотверженно меня поддерживала и неизменно ставила нужды сына выше своих, – но ни за что не шла на компромисс, если дело касалось дисциплины.

Я посвятил эту книгу Элиф – и это моя попытка отблагодарить любимую: она столько лет проявляла понимание ко всем моим импульсивным порывам и терпеливо несла бремя жены ученого с самого замужества, – и то, что я не раз предостерегал ее прежде, не умаляет ее подвига. Но не только жене писателя достаются все трудности. Я прошу прощения и у моей дочери Зейнеп Мехвеш (р. 2012), с которой разделяю любовь к Фабрицио де Андре и к Клементине, – и у сына Улуча Эмре (р. 2015), который терпеливо ждет того дня, когда папа окончит книгу и можно будет ткнуть папе пальцем в глаз (за то, что детям пришлось делить меня с MS Word). Весьма признателен и моему шурину (и другу) Эргуну, а также моей теще Ишик Эртекин за то, что облегчали мне жизнь.

Наконец, вот они – мои друзья, годами сносившие мою громогласность: Дженк Эрман; Илькер Демир; Озгюр Сезер; Полат Сафи; Мурат Онсой; Кахраман Шакул; Оккеш Кюршат Караджагиль; Харун Ени; Нахиде Ишик Демиракын; Хамид Акын Унвер; Гёркем Эргюн; Али Кибар; Левент Кая Оджакачан; Синан Сердал Сельчук; Явуз Айкан; Рыза Тонюкук и Бурче Тосунлу; Дженнаро Варриале; Давут Эрман; Юсуф Бурак Гюрсес; Серхан Гюнгор; Дженгиз Йолджу; Гюнеш Ишиксель; Ахмет Угур; Дидем Шахин; Барын Каяоглу; Хелен Хичбезмез; Кая Шахин; Озгюр Унал Эриш; Микеланджело/Ахмет Гуида; Огузхан Гёксель; Экин Озбичер; Али Гюльтекин; Эрман Кадероглу; Мерич Шентуна; Онур Ишчи; Гамзе Эргюр; Кыванч Джош; Грэм Аурам Питц; Эртугрул Октен; Крис Гратьен; Ананд Топрани; Нир Шафир; Гюнхан Бёрекчи; Идиль Дениз Тюркмен; Фабио Вичини; Альпхан Акгюн; Юнус Угур; Абдюльхамит Кыргыз; Зейнеп Ельче; Нурай Уркач; Эсра Караель; Исмаил Хакки Кади и Мелис Сюзер.

ЭСГ

8 сентября 2018 года

Козятагы, Стамбул

Вступление

Книга, которую вы держите в руках, – вторая из серии наших исследований об отважных героях средиземноморского пограничья, и она посвящена османским корсарам 1500–1700 годов.

Однако мы не просто поговорим об их прошлом. Яркие герои вдохнут новую жизнь в нашу спокойную и привычную аналитику. Среди тех, к чьим историям мы прикоснемся, будет Ахмед Челеби, он же Дон Фелипе, сын тунисского дея: очарованный западной музыкой, он уедет в Европу, крестится, и только со временем возвратится на родину, вновь примет праведную веру и совершит хадж². Будет и пьяница Рыдван, который, едва услышав, что пророка Ису (Иисуса Христа) убили иудеи, избил первого попавшегося ему еврея и впредь ежедневно проверял, хватает ли в церкви свечей и лампадного масла, жертвуя на них по несколько акче³. Будут и Мигель де Сервантес, прославленный литератор, который четырежды пытался бежать из плена и в роковую минуту спасся от рабства лишь благодаря выкупу, и Сулейман-реис⁴, мюхтэди (см. глоссарий) из протестантов, отрекшийся от веры и познавший ее добродетель лишь в неволе на христианских галерах: он вернет себе свободу, вновь отправится на газу⁵, потом решит иначе, избавится от янычар, высадив их на сушу, и поплывет к Марселю, – но волею бури окажется на Мальте, где, ничуть не колеблясь, станет рыцарем католического ордена Святого Иоанна. Мы прочтем, как некий месье Вайян, освободившись из плена, по дороге на родину завидел на горизонте корсарское судно и мигом проглотил 20 золотых медальонов, – решил, что те пригодятся в тяжелые дни, ведь предстоит еще раз проститься со свободой. В пантеон наших героев войдут и Кючюк Мурад-реис – в миг встречи с женой и детьми в Вере, где он укроется от шторма, и в день, когда он, велев поднять флаг принца Оранского, поведет свой корабль на испанские галеоны, – и его дочь Лизбет Янссен, которая много лет спустя проведает отца в Сале. Мы увидим, как чернокожий раб Антоний де Ното примет христианскую веру, едва его доставят из Черной Африки в Европу, – со временем, попав в руки к пиратам, он обратится в ислам; затем в долгой аскезе стяжает славу святого, а сорок лет спустя любовь к Иисусу вновь возгорится в его сердце и заставит де Ното пойти на смерть. Перед нами предстанут и многие ренегаты, принявшие ислам, но не знающие шахады⁶ и путающие пророка Мухаммеда с его предшественниками; и простые моряки (как христиане, и мусульмане), приносящие жертвы в пещере на острове Лампедуза; и мальтийские корсары, которые будут уносить эти приношения на Сицилию, в церковь Девы Марии; и мстительные муртады⁷, которые когда-то, после прибытия в Северную Африку, приняли ислам, но легко могли бросать единоверцев-корсаров на христианском берегу по самым разным причинам (муртад мог просто обидеться, что кто-то не отдал за него замуж дочь или же обманом выщипал ему бороду). Мы прочтем о том, как оказались в ловушке охотники-гази, пьяные от вина, которое нашли в

² Хадж (араб.) – в исламе паломничество к святым местам Мекки и Медины, которое каждый мусульманин обязан совершить один раз на протяжении жизни. – Прим. пер.

³ Акче – серебряная монета; основная денежная единица в Османской империи. – Прим. пер.

⁴ Реис (осм. от араб.) – 1) глава; начальник; 2) капитан османского или арабского судна. – Прим. пер.

⁵ Газа, газават (осм. от араб. походы) – ключевой термин османской истории, обозначающий «священную войну за веру»; «вооруженную борьбу с неверными»; синоним джихада. Тем не менее в последние десятилетия оспаривается и альтернативно интерпретируется как «набег», «налет» на земли неверных с целью грабежа или же как часть похода османской армии. В такой интерпретации созвучен османскому и в целом тюркскому термину «акын» – «набег». – Прим. пер.

⁶ Шахада (араб. свидетельство) – исламский символ веры; свидетельство о вере в Аллаха и пророческую миссию Мухаммеда; произносится во время намаза (пятикратной молитвы мусульман на протяжении дня), как и в момент принятия ислама. – Прим. пер.

⁷ Муртад (араб.) – вероотступник в исламе; тот, кто совершил иртидад – вероотступничество, один из самых больших грехов. – Прим. пер.

погребях разграбленного Палермо; о том, как моряки-пленники, меняя маршруты незаметно от янычар, вводили корабли в европейские порты; о том, как народ возводил во святые бывших христиан, обратившихся в мусульманскую веру; о том, как гребцам-невольникам приходилось есть из тех же самых горшков, куда они попутно справляли нужду... Вот они, некоронованные короли фронта!

Конечно, мы не удержались – и заинтриговали читателей сладкой приманкой, крохотной частью историй удачливого меньшинства, чьи приключения вошли в легенды последующих поколений. Но пусть наша маленькая слабость не внушает вам мысль, будто произведение, которое вы держите в руках, – это «эксцентрическая» книжка, от начала до конца переполненная прибаутками. Сколько бы забавных историй ни вместили ее страницы (их тон в общем-то спокоен и выдержан, что приличествует духу пограничья), мы все же стойко держимся строгих научных правил, и наша работа содержит открытия, к которым мы пришли после долгих изысканий в архивах и библиотеках едва ли не всей Европы и Турции. Собственно, как и любой научный труд, наше произведение обязано привнести в литературу нечто новое. В таком случае спросим: чем же отличается эта книга от всего, что было прежде? Тем, что перед вами – попытка понять, что делали гази, воители веры, в годы «золотого века» корсарства, когда осели в Северной Африке, прибыв из Восточного Средиземноморья, и тревожили своими набегами не только торговые корабли, но и европейские берега вплоть до Азорских островов с Исландией.

Тем не менее первое и, может быть, самое главное отличие нашего произведения от остальных – его источники. Ряд академических работ, донные написанных в Турции на тему османского корсарства, основан на документах стамбульской бюрократии. Бесспорно, османские архивы несказанно богаты, в них миллионы документов; однако это вовсе не означает, будто они способны прояснить любую тему. Говоря об османском корсарстве XVI–XVII столетий, надо признать, что материалы, которыми мы располагаем, по ряду причин не смогли стать полноценной базой для обширных аналитических трудов, похожих на западные нарративы⁸. Во-первых, невозможно понять корсарство *лишь* по работам османским ваканювисов⁹, по решениям султанского дивана¹⁰ и по записям имперского адмиралтейства. Все они наглядно отображают отношения между пограничьем и столицей с позиций османских элит и бюрократии, но далеки от сложных и многоплановых реалий фронта. Все усложняется и потому, что правители областей, давших корсарам приют, – таких как Алжир, Аннаба, Бизерта, Хальк-эль-Уэд, Сус, Триполи, остров Лefкас (осм. Айямавра) и Влëра (осм. Авлонья) – не оставили никаких свидетельств. Причем к малочисленным арабским первоисточникам местного характера до сих пор никто не обращался, что создает очередное препятствие на нашем пути. Очевидно, что одних османских хроник и рукописей, цитируемых вместо них, здесь недостаточно, – их тоже сохранилось крайне мало, да и они, в отличие от западных, не предоставляют точной аналитики¹¹.

Вследствие всех перечисленных ограничений документация центральной бюрократии – это стержень нашего исследования; она проясняет административные и финансовые аспекты османского корсарства и мореплавания, но, по существу, в ней отсутствуют полноценные систематические ведомости касательно других аспектов – военных, экономических и соци-

⁸ Кемаль Бейдили первым признал, что их весьма трудно систематизировать. «Uskoklar Hakkında İki Kitap», *Osmanlı Araştırmaları* XXXV (2010), 327.

⁹ Ваканювис (от араб. вака – событие и перс. нувис – пишущий) – название османских хронистов-летописцев; со временем начало использоваться в структуре государственной власти для обозначения придворного летописца. – *Прим. пер.*

¹⁰ Диван (перс., осм.) – в Османской империи совет при султানে, возглавляемый великим визирем; исполнял функции центрального правительства. – *Прим. пер.*

¹¹ Мы не первые, кто обращает внимание на общее безразличие исламских первоисточников эпохи к морю и корсарству. Moulay Belhamissi, *Marine et marins d'Alger (1518–1830), tome I: Les navires et les hommes* (Alger: Bibliothèque Nationale d'Algérie, 1996), 19–24.

альных. Кроме того, незнание языков и недоступность иностранных источников в университетских библиотеках привели к тому, что даже фундаментальные открытия в сфере военной истории не попали в турецкие академические издания. Если же прибавить к нехватке первоисточников еще и неосведомленность в современных исследованиях, то вряд ли стоит удивляться тому, что все написанные у нас труды скорее напоминают истории *институциональные*, нежели *военно-морские*.

До сих пор не затронуты первоочередные для историка вопросы: какие тактики избирали корсары в своих налетах? Какие хитрости они применяли, чтобы загнать жертву в сети? Как повлияло стремление получить стратегические преимущества на строительство кораблей? И как изменилось само судостроение под влиянием военных технологий? Насколько удешевление огнестрельного оружия изменило баланс сил между флотами центральных держав и корсаров, между чектири¹² и парусниками? И что нам известно об укладе жизни на пиратских галерах? Что ели и пили корсары? Как удовлетворяли естественные потребности? Какие религиозные ритуалы и практики придавали им сил перед лицом морской неизведанности? Как они справлялись с болезнями и поддерживали гигиену с дисциплиной? В конце концов, какой народ подарил нам «османских» корсаров?! Насколько моряки-христиане и мюхтэди¹³ стали частью мира ислама? Сумели ли они спокойно и без душевной боли оставить свои семьи, родину и веру, от которой отрекались? Кем были гази – удачливыми грабителями или же воителями за веру, побеждающими именем Аллаха под знаменем ислама?

И в какой степени влияли на экономику портов пиратские трофеи? Куда пираты сбывали добычу и как делились ею? Стало ли корсарство неизбежным итогом экономической маргинализации, как прежде стал им разбой? Можно ли говорить о топографических особенностях, обрекших ряд портов на пиратство? А что еще объединяет корсарство с торговлей и контрабандой? В чем на самом деле проявляется теоретическая разница между корсарством – и морским разбоем, то есть именно пиратством? И какое место отводит нашим корсарам международное право, начавшее постепенно развиваться в те дни?

Мы найдем ответы лишь в новых источниках. И именно благодаря им мы сможем шагнуть за пределы историографии, которая до сих пор изучает османское мореплавание только с административной и финансовой точки зрения. Мы использовали первичные и вторичные источники на французском, итальянском, испанском, английском, немецком, латинском, португальском и каталонском языках, сопоставляя их с османскими летописями и архивными документами; все они раскроют нашему взору мир пограничья, которым мы привыкли пренебрегать из-за предвзятых методологических предпочтений или идеологических мотивов, – пусть даже время от времени и наталкиваемся на его следы. Наряду с этим архивная дипломатическая переписка и шпионские отчеты позволят нам день за днем следить за делами наших корсаров и их влиянием в столицах. Упомянутые документы способны показать нам то, какой вклад гази внесли в развитие флотов центральных держав, и то, как эти державы готовились к борьбе с корсарами. Наконец, документы подробно сообщают о происхождении, семьях и личностях многих корсаров; до сих пор мы знали об этом очень мало. Эту мысль подкрепляет и то, что все детальные биографии корсаров, которыми мы располагаем, написаны на основании подобных источников¹⁴.

Опять-таки, изучая наряду с дипломатической перепиской судебные записи Мальты с Галатой, можно осветить очень много событий, касающихся правовой стороны корсарства.

¹² См. глоссарий автора. – Прим. пер.

¹³ Мюхтэди (осм., араб.) – тот, кто перешел в ислам из иной веры, совершил ихтида – нашел правильный путь. – Прим. пер.

¹⁴ Gustavo Valente, *Vita di Occhiali* (Milano: Casa Editrice Ceschina, 1960); Ernle Bradford, *The Sultan's Admiral: Barbarossa-Pirate and Empire Builder* (New York: Tauris Parke, 2009, ilk baskı: Hodder&Stoughton, 1969); Greg Bak, *Barbary Pirate: The Life and Crimes of John Ward* (Gloucestershire: The History Press, 2006); Emilio Sola Castaño, *Uchalí: El Calabrés Tiñoso, o el mito del corsario muladí en la frontera* (Barcelona: Edicions Bellaterra, 2011).

При этом связанные с корсарами рапорты, скрытые в богатых архивах Флоренции, Пизы и Мальты, могут предоставить нам важную информацию как об османских корсарах, так и об их соперниках, рыцарях орденов Святого Иоанна и Святого Стефана. А документы таких центров торговли, как, скажем, Марсель, прояснят экономический аспект корсарства. И если мы не углублялись в указанные источники, то лишь потому, что это, по сути, уже сделали такие прекрасные ученые, как Надаль и Фонтене; впрочем, исследователей экономической истории еще ожидает масса работы.

Османские архивы способны пролить свет на две грани корсарства. Если записи в Османском архиве премьер-министра Турции помогают раскрыть связи Стамбула с пограничными вилайетами¹⁵ и их непокорными героями [см. раздел 11], то записи шариатских судов позволяют увидеть, к каким правовым механизмам прибегали жертвы корсаров. Совсем недавно Джошуа Уайт показал, сколь весомы эти судебные хроники для истории права и дипломатии, если сопоставить их с подтверждающими документами из венецианских архивов¹⁶. Отметим и то, что весьма ценны и английские архивы, на обращение к которым нам просто не хватило времени, и голландские, которые мы не можем прочесть, поскольку не располагаем нужным языковым инструментарием.

Записанные воспоминания христиан, которым довелось побывать в плену у корсаров, таят богатейшие сведения. Ценность этих источников, подробно повествующих о жизни на кораблях и корсарских набегах, станет еще понятнее, если принять к сведению то, что их османские аналоги можно пересчитать по пальцам одной руки. Все книги, отчеты и письма, составленные в Северной Африке консулами, торговцами, священнослужителями и выкупщиками рабов, способны прояснить историю корсарских портов почти во всех аспектах; даже магрибские историки, описывая прошлое своих стран, до сих пор пользуются этими источниками чаще, нежели арабскими, что в очередной раз подчеркивает важность первых¹⁷.

Впрочем, наши источники не лишены недостатков – в зависимости от того, какого рода они были, какой аудитории адресовались и каким оказывался их формат (архивный документ, рукопись, книга). Да, в них много сведений, четких и ясных, но все же те, кто их писал, смотрели извне и действовали не без предрассудков. Мы обращались к таким источникам только после того, как они проходили своего рода «критический фильтр». Из литературных текстов мы устранили влияние стереотипов и мотивов, призванных привлечь читателей; а правительственная корреспонденция, не предназначенная для широкой публики, оценивалась с учетом риторических стратегий, от которых никак не могли отказаться правящие элиты в гуманистической Европе¹⁸. Кроме того, общедоступные европейские источники, мы, насколько возможно, читали в сопоставлении с османскими. И, наконец, мы делали все, чтобы данные из указанных источников были представлены в согласии с географическими, климатическими, экономическими и технологическими особенностями эпохи.

Не менее важную роль, чем первоисточники, для этой книги сыграли и академические труды, изданные на Западе. Никак нельзя отрицать, что во Франции, Испании, Англии и Алжире написано множество литературных произведений, посвященных и османскому, и христианскому корсарству, – трудов значительно более качественных и разносторонних, нежели те, что созданы в Турции. Еще до недавних пор в Турции очень слабо изучались иностранные языки и мало кому удавалось провести исследование за границей; здесь мало библиотек,

¹⁵ Вилайет – основная и крупнейшая административно-территориальная единица Османской империи; приходит на смену предыдущей – эялету – в XIX веке. Однако и до XIX века термин «вилайет» употребляется как синоним «эялета».

¹⁶ Joshua M. White, *Piracy and Law in the Ottoman Mediterranean* (Stanford: Stanford University Press, 2017).

¹⁷ Например, см. произведения Бельхамисси.

¹⁸ О том, как гуманистические опасения влияли на рапорты, связанные с османами, венецианских байло см.: Lucette Valensi, *The Birth of the Despot: Venice and the Sublime Porte* (Ithaca: Cornell University Press, 1993).

отвечающих международным стандартам; тем самым наши ученые оказались оторванными от революционных трудов в сферах военно-морской и средиземноморской истории.

Иначе как объяснить, что почти ни один турецкий историк не обратился даже к тем подробным французским трудам XIX века, которые сейчас свободно доступны в интернете? Исключение составляют всего две книги, одна из которых написана в 1936 году!¹⁹ Почему академики игнорируют эту литературу? И почему в библиотеках всех наших учреждений совершенно нет классических работ, посвященных корабельным технологиям?

К сожалению, решение инфраструктурной проблемы почти не принесло результата на протяжении последних лет. За эти 15 лет возросли возможности цифрового копирования, языки изучают широко и повсеместно, Турция еще сильнее интегрировалась в заграничный мир и все больше турецких историков ежедневно посещает европейские архивы, – однако они, как и прежде, предпочитают закоренелые темы османской истории или же сосредотачиваются на торговле, дипломатии, личности либо событиях и применяют описательный стиль западных источников, не подвергая их даже малейшей критике. Нам до сих пор нечасто встречаются труды, посвященные таким столь популярным на Западе темам, как корсарство, рабство, шпионаж, ренегатство, культурный и технологический взаимообмен, иерархия... И мы желаем, чтобы эта книга стала первой в нашем деле и проторила путь другим.

И, наконец, скажем, что и в западных монографиях не обходится без проблем. Во-первых – и это самое главное, – в них иногда без надлежащей критической оценки используются достаточно предвзятые источники, которые не сопоставляются с арабскими и османскими. Печально наблюдать, как современные историки разделяют голословные стереотипы и китчевые мотивы этих работ; в итоге бедные османские корсары оказываются между безразличными учеными Востока и предвзятыми академиками Запада как между молотом и наковальней.

В западных исследованиях средиземноморского корсарства проявляется еще одна значительная проблема: пусть они все полны самых подробных сведений, но при этом оценивают корсарство как некое статичное явление, обходя вниманием многовековые экономические, технологические и социальные изменения. Это лишь подтверждает наш аргумент, согласно которому ряд некоторых из этих исследователей шли в том же направлении, что и их предшественники в XVIII столетии, в котором свершились неожиданные перемены, важные для корсаров.

Теперь перейдем и к новым аргументам и точкам зрения, которые предлагает наша книга. Во-первых, как мы уже отметили, на последующих страницах вас ждут не «уютные» категории Стамбула, Венеции, Мадрида и Рима, а нескончаемые сюрпризы пограничья. Есть и еще один момент, особо подчеркнутый в иных наших произведениях: если мы смотрим из столицы, то ни в какие подзорные трубы нам не увидеть ярчайшей и противоречивой сути пограничья; слова «увеличительное стекло» – здесь это лишь оксюморон. Как представления о морали и адабе²⁰, руководящие жизнью почтенного стамбульского бей-эфенди²¹, далеки от правдивого отображения жизни первых поколений горожан, так и категории, созданные столичными элитами с их представлением об исламе, литературных мотивах и цивилизованных культурах, не позволят в полной мере понять мир пограничья, где на собачьих тропах – конский след.

Безусловно, мы говорим об этом не впервые; на этом делают акцент многие признанные эксперты – от Броделя до Даклии, от Сола до Дюрстелера, – и тем не менее в Турции этот тезис лишь вызывает непонятное сопротивление. Наши историки с их верой в безраздельность султанской власти склонны расценивать автономию просто как факт и закрывать на нее глаза

¹⁹ Aziz Samih İltar, *Şimali Afrika'da Türkler* (İstanbul: Vakit Matbaası, 1936), 2 cilt; Orhan Koloğlu, *Türk Korsanları* (İstanbul: Tarihçi Kitabevi, даты нет).

²⁰ Адаб (араб.) – поведение, предписанное шариатом. – *Прим. пер.*

²¹ Бей-эфенди (осм.) – господин. – *Прим. пер.*

– и в то же время они не боятся жертвовать невероятно изменчивой идентичностью жителей региона и его религиозным разнообразием ради до резкости ясных аналитических категорий, рожденных в имперских центрах. Мы приложили все усилия, чтобы не допустить этих ошибок и не выстраивать наши аргументы на дихотомиях, скажем, таких как «мусульманские гази – грешные кафиры»; «зиндики – мумины»²², «разбойники – верноподданные».

Есть и другая особенность, отличающая наш труд: политические события здесь расположены не в хронологическом порядке, а представлены лишь по мере того, насколько они могут служить примерами к аргументам. Кроме того, за счет различных подробностей, предоставленных западными источниками, расширен сам спектр политических событий и их персонажей. Нам хотелось бы особо подчеркнуть: как бы часто в книге ни встречались имена корсаров, она не призвана восхвалять героизм таких реисов, как Кемаль, Оруч, Хайреддин и Тургуд, или же прославить их подвиги. Ради того, чтобы получить ответы, мы вывели на сцену многих корсаров, которые сыграли важную роль, но о чьих именах мало кто слышал: это Буюк (Арнавуд) Мурад; Айдын; Синан; Улудж Али; Кара Ходжа; Хасан Калфа; Арнавуд Меми; Али Биджинин; Юсуф (Джон Уорд); Улудж Хасан; Симон Дансекер; Сулейман; Кючюк (Фламенко) Мурад; Меземорта Хюсейин; Канарьялы Али...

Наряду с тем, что мы попытались отдалиться от линейной и повествовательной политической истории, на страницах книги мы также рассмотрим главное назначение пиратства – этой древней профессии Средиземноморья. И пусть турецкая историография, взирая на пограничье глазами Стамбула, по сей день представляет наших корсаров как героев, служащих вере и государству, мы оценим их как рациональных деятелей, занятых экономикой и пытавшихся выжить в непростых условиях.

Корсарство в нашей книге – не просто явление, которое служит политике и сводится к простому грабежу. Это прежде всего стратегия, которую применили порты, отделенные от мировой экономической системы, и она в свое время породит капитализм, чтобы эти порты могли вернуться на те торговые пути, с которых их изгнали. Иначе как объяснить стандарты корсаров-гази и правила, которых они придерживались, чтобы их действия носили предсказуемый характер? Ведь они охотились за провиантом, рабами и товарами в эпоху, предшествующую современной, а в то время закон от бесправия отличала очень зыбкая и тонкая грань.

Из-за акцента на этих правилах и стандартах корсарам пришлось действовать в рамках международного права и постоянной дипломатии, стремительно развивавшихся с XVII века. С этих пор перед нами предстают уже не легендарные воины, которые, служа вере и государству, поднимают меч ислама против кафиров, а ревностные стратеги, соблюдающие политику равновесия между Стамбулом, Парижем, Лондоном и Амстердамом. И кроме того, зверствовали не только они, хотя западные источники утверждают обратное. Европейские капитаны наравне с реисами нарушали правила, убивали невинных и переписывали историю.

Наконец, в нашей книге особое значение придается изучению османского корсарства в свете общей парадигмы европейской и средиземноморской истории. В последние годы историографические тенденции такого направления до сих пор в полном объеме не проявились в Турции; их неполноценность сочетается и с административной жесткостью наших университетов. В итоге вся тематика отслежена лишь в пределах имперского видения, а открытия оцениваются как часть общей тенденции. Мы уделили немалое внимание тому, чтобы выйти за пределы этой османской исключительности, и изучили корсарство в контексте более широких исто-

²² Гази (араб.) – воитель за веру; ведущий газават. Кафир, кяфир (араб. неверующий, иноверец), или гяур (тур. неверный) – понятие в исламе для обозначения человека, совершающего куфр – страшный грех неверия; употреблялось применительно к иноверцам. Зиндик (араб., перс.) – не верующий в Аллаха и в Судный день; в широком смысле – немусульманин; также – люди, которые внешне ведут себя как мусульмане, но на деле являются неверными. Мумин (араб.) – мусульманин, искренне уверовавший в Аллаха, обретший смысл существования в вере и самым лучшим образом придерживающийся всех практик и норм ислама.

рических парадигм. Впрочем, османское корсарство невозможно понять, если игнорировать многие явления, к которым относятся: Великие географические открытия; экономика капиталистического мира, постепенно втягивающая большую часть планеты в экономическое партнерство на неравных условиях; типы кораблей, построенных после революции в военном деле; появление парусников и огнестрельного оружия и их влияние на оборонительные системы; возникновение центральной бюрократии в результате упомянутой революции; международное право и постоянные посольства, учрежденные с XVI века; и новостные сети, возникшие вместе с газетами и рукописной периодикой; разбой, подпитываемый постоянным ростом населения в указанном веке и переменой климата в XVII столетии; а также процессы конфессионализации (*Konfessionsbildung*) в мусульманских и христианских странах, начавшиеся во второй половине того же XVI века.

Итак, каждая «часть» книги, состоящей из 12 разделов, нацелена на ту научную сферу, которой до сих пор пренебрегала турецкая историография, посвященная корсарству. В первой части, где в центре внимания – сами корсары, раскрыт смысл понятий «османский» и «гази». А в первом разделе посредством различных таблиц мы пытались показать, как именно на протяжении столетий видоизменялись этнические и религиозные корни османских корсаров от порта к порту. В корсарство, основу которого заложили турки Восточного Средиземноморья, пришли многие итальянцы, испанцы, французы, португальцы, голландцы, англичане, немцы, датчане и даже евреи. Это не просто убедит нас в космополитичной сути явления, но и покажет, сколь разноплановый фон скрыт за термином «османский».

И разве в обстановке такого космополитизма можно вести речь о какой-либо религиозной войне? Так что же, выходит, «газа», на которой делают акцент османские источники, служила лишь для пропаганды – или же она действительно претворялась в жизнь? А если все-таки претворялась, то как именно? Как однообразная священная война, о которой повествуют современные историки? Ответы вы найдете в разделе 2. Там же мы постараемся раскрыть литературные мотивы текстов, облекающих наших корсаров в религиозную мантию; подробно поговорим о документе под названием «*Газават Хайреддина-паши*» – одном из немногих «я-повествований» (*ego-documents*), связанных с корсарами. Затем мы обратимся к сведениям из европейских архивов и расследуем отношения наших корсаров-мюхтэди с их родными и с правительствами покинутых стран. И, наконец, мы попытаемся понять, насколько им удавалось забыть ту веру, от которой они отрекались в трудный час, и что еще важнее – в какой мере они изучили ислам, света которого удостоились. И при этом мы постараемся помнить, что неортодоксальное и эклектическое понимание религии, с которым мы имеем дело, – самый лучший пример разноплановой действительности пограничья.

В разделе 3 мы отметим, что ученые, писавшие про османские корабли, не особо заботились о технических подробностях, которыми наполнилась военно-морская история мира, и потому ограничивались лишь бессистемной передачей архивных сведений, а их западные коллеги, как правило, предпочитали писать о северных судах, построенных уже после революционных преобразований в кораблестроении. Вторую часть мы начнем с изучения деталей морской навигации и постараемся восполнить пробел, возникший оттого, что специалисты по истории Средиземноморья (которых, к слову сказать, очень немного) полностью игнорировали Северную Африку и обращали внимание только на венецианские, генуэзские и французские верфи. Мы опишем изменения в типах кораблей, а также расскажем о технологии, которая неуклонно развивалась на протяжении XVI–XVII столетий, и о кораблях, которым, согласно своей стратегии, отдавали предпочтение корсары. В этом разделе, сопровождаемом таблицами, отражены и такие подробности, как число флотских кораблей в трех крупных корсарских портах; количество пушек на этих кораблях и украшения на корме.

Еще одна тема, о которой нам мало что известно – по крайней мере, если вести речь о XVI–XVII веках, – корабельные экипажи. Их мы рассмотрим в третьей части. Ее первый раз-

дел – или пятый, если говорить обо всей книге, – посвящен особенностям и обязанностям рейсов, офицеров, моряков, солдат и рабов; все персонажи изучены по отдельности. А в шестом разделе мы будем говорить о том, как жили на корабле сотни людей, месяцами находясь вместе в тесном пространстве. Чем они питались? Как занимались сексом, заботились о гигиене, ходили в туалет? Чем болели? И как боролись с болезнями? Какие наказаниями поддерживали дисциплину? Как находили общий язык члены экипажа из разных народов? Какие суеверия и религиозные ритуалы они создали, защищаясь от вечной опасности в море?

«Благодаря» характеру той лекционной системы и тех учебных программ, что приняты в лучших университетах Турции, в наших академических трудах по истории совершенно не учтены топографические и климатические условия событий. Яркие примеры можно найти в работах, которые посвящены внешней политике и военной стратегии османов – и совершенно не учитывают навигационных условий. И потому седьмой раздел книги, составивший всю ее четвертую часть, стремится вновь соединить географию с историей. В нем изучены факторы, определяющие навигацию в Средиземном море: его ветра, течения и прибрежную топографию. Собственно, первая часть упомянутого раздела не основана на каких-либо оригинальных исследованиях и лишь повторяет открытия, почерпнутые из ряда классических произведений, которые никак не попадут в Турцию, хотя 30–40 лет тому назад фундаментально повлияли на западную историографию. Во второй же части раздела мы с помощью некоторых рукописей, книг и отчетов XVI века наведем наш исследовательский объектив на топографию Северной Африки и изучим корсарские порты, расположенные на побережье от Александрии до Агадира, с точки зрения их удобства как для гребных судов, так и для парусников.

Что касается военных подробностей морских набегов, о которых мы узнали из воспоминаний невольников, попавших в плен к корсарам, и от христиан, ставших гребцами на корсарских кораблях, – то эти подробности рассмотрены в обширном восьмом разделе, составившем всю пятую часть. Если сравнивать корсарский корабль с другими – то какими возможностями располагала каждая из сторон? Как именно корсары проверяли торговые корабли? Какие ставили ловушки, завидев жертву? Какое оружие использовали обе стороны в погоне или в бою, какие тактики? На что корсары обращали внимание, грабя корабль? Как обменивались сообщениями корабли корсарского флота? Ответив на эти вопросы, мы вновь поговорим о том, как гази совершали нападения на суше, и увидим, как в открытом море избирались цели, расположенные за сотни, а иногда и за тысячи километров, как корсары незаметно к ним приближались, за счет чего совершались высадки и чем оканчивались потенциальные конфликты.

В шестой части мы оценим экономический масштаб корсарства – в Турции эта тема до сих пор мало кого привлекала. Девятый раздел призван представить обобщенную точку зрения на события. И пусть даже мы предполагаем, что корсарство, как и морской разбой, вызвано экономической маргинализацией, речь пойдет не только о безземельной и вооруженной бедноте, но и о портах, которые мировая экономическая система, послужившая основой капитализма, ежедневно вытесняла с главных торговых маршрутов. Затем мы рассмотрим отношения корсарства с торговлей, представим первое одной из альтернатив последней, – ведь любой может в один из дней ступить на скользкую дорожку, – и постараемся показать, как незначительны, по существу, были экономические убытки от корсарства. Мы зайдем еще дальше и добавим, что корсарство содействовало торговле, – за счет транзитивности, которую оно создавало между разными правовыми системами, а также доверительных и кредитных сетей, которые благодаря ему установились между европейскими и мусульманскими владениями. Именно поэтому против него не вели системной борьбы – вплоть до XIX столетия, пока объем торговли не возрос настолько, что с корсарством уже нельзя было мириться и пришло время сокрушить всех, кто нарушал закон...

В десятом разделе мы обсудим то, как корсары распоряжались добычей и как распределялся доход между участниками и инвесторами корсарских предприятий. А после расскажем

о том, как разнился доход (рабы, имущество, корабли) и сколь большим он был в разных корсарских набегах (на суше, на море и т. д.).

Шестую часть, где анализируются правовые критерии корсарства, и одиннадцатый раздел книги мы начнем с того, что отделим пиратство (собственно, мелкий разбой, не имевший никаких экономических или же политических последствий) от корсарства как от организованного и предсказуемого занятия, чьи древние обычаи и правила, восходящие еще к Античности, удачно встроились в международное право. Мы покажем, как нормы этого права проявлялись в судоходстве, объясним, почему появились те правила, которым следовали корсары, торговцы и военные корабли, а также представим механизмы юридического аудита в пиратских портах и изучим документы, которые согласовывали торговлю с корсарством. И, наконец, мы постараемся показать, что правилами пренебрегали не только гази, но и европейцы, и, к слову, последние были более склонны нарушать закон и оставлять документы и артефакты, отражающие только их точку зрения.

Мы завершим монографию традиционным разделом – расширенной версией нашей журнальной публикации 2010 года, в которой внимание уделялось управленческим и политическим вопросам²³. В этом разделе представлено 200-летнее развитие отношений между Стамбулом и непокорными западными оджаками²⁴, – это довольно важно, если мы хотим показать, на что способны османские архивы (в основном к ним мы и обращались). Раздел раскроет нам и различие в том, как в османских и западных источниках представлены подробности описаний и технические сведения. Вначале мы рассмотрим, какими были взаимные ожидания сторон в их добровольно начавшемся сотрудничестве, в котором позже было немало превратностей судьбы. Конечно, речь пойдет и о пределах этого сотрудничества, зависевших от политических и дипломатических правил эпохи. Неужели османская верхушка старалась угодить ветеранам пограничья, впуская их в свой круг? А если приоритеты стамбульской знати и пиратов не совпадали – иными словами, если корсары портили отношения столицы с европейскими государствами, настаивая на исполнении «призвания», – удавалось ли сгладить конфликт, и если да, то насколько? И чью сторону принимали управители адриатических портов, оказавшись между Стамбулом, присылавшим фирманы, и левендами²⁵, приносящими доход? В конце книги мы обратим внимание на баланс сил между центром и пограничьем, а также определим пределы влияния столицы на Магриб, и в заключение наметим пути дальнейших исследований.

В тексте немало терминов, и поэтому в конце приводится обширный глоссарий. Кроме того, когда термин встречается впервые, его значение объясняется в сноске. Безусловно, подобную книгу нельзя и представить без карт – не зря же в ней постоянно подчеркивается значение географии и упоминаются десятки топонимов. Мы надеемся, что двадцать карт, приведенных в разных местах издания, помогут читателю получить общее представление. Мы попытались учесть и визуальные предпочтения, включив в книгу 34 черно-белых и 16 цветных иллюстраций (некоторые публикуются впервые). И, надеюсь, у нас все получилось – если на то будет воля Всевышнего.

²³ Emrah Safa Gürkan, «The Centre and the Frontier: Ottoman Cooperation with the North African Corsairs in the Sixteenth Century», *Turkish Historical Review* 1/2 (2010): 125–163.

²⁴ Западные оджаки, или Гарб Оджаклады – османское название трех вилайетов Северной Африки: Алжира; Тараблуса (Триполитании) и Туниса. Оджак (тур., османотур.) – очаг; место для очага; печь. В османской терминологии название применялось к военным, прежде всего янычарским корпусам. Оджаком называлось и все янычарское войско, расквартированное в Стамбуле. – Прим. пер.

²⁵ Левенды (османо-тур.) – 1) люди без земли и работы; 2) сухопутные или морские разбойники; 3) воины морского флота. Здесь и далее – во втором и третьем значении, как элемент корсарства. См. далее по тексту.

Часть 1 Корсары

Раздел 1 Османские корсары – кто они? Этника, религия и география Западного Средиземноморья

Всем, кто пытается постичь такой феномен, как корсарство²⁶ в Средиземном море – регионе, знаменитом своими путешествиями и торговлей, – прежде всего необходимо отойти от привычной историографии (узницы государственности), и от предлагаемых ею гомогенных социальных блоков. А теперь – обещанный фейерверк: вопреки тому, как принято считать, *не все* османские пираты – турки и мусульмане с деда-прадеда. Так что, не забывая про наш курсив, – и не бросаясь в крайности, – перейдем к изучению переменчивой этники, религии и географии корсарства, пришедшего в оживленные порты Магриба со всего Средиземного моря. Кто же занимался пиратством в «Америке исламского мира»?

Два первых поколения: мудехары²⁷ и выходцы из Восточного Средиземноморья

Корсарство расцвело в портах Алжира, удаленных от главных торговых путей (те проходили севернее) и обреченных на нищету по сравнению с Барселоной, Марселем и Генуей²⁸, – и важнейшей причиной этому стало завершение Реконкисты в 1492 году²⁹. Впрочем, не следует предполагать, будто «отвоевание» завершилось, когда христиане Кастилии уничтожили на Иберийском полуострове последнюю мусульманскую монархию. Изабелла и Фердинанд, которым приходилось растить и питать своих авантюристов-аристократов, неизменно пламеневших духом священной войны, перенесли Реконкисту в Северную Африку. Вследствие политики, которую проводил кардинал Франсиско Хименес де Сиснерос, важные порты Северной Африки один за другим переходили в руки кастильцев: Мелилья (1497), Мерс-эль-Кебир (1505), Оран (1509), Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера/Бадис (1509), Пеньон-де-Алжир (1510), Беджайя (1510), Триполи (1511).

Когда же свободу вероисповедания, обещанную мудехарам в 1492 году, начали попираť, некоторые из них, оставив Испанию, сформировали «первое поколение» корсаров. Да, порой мудехарам удавалось влиться в экономику региона, но многим приходилось становиться наемниками или пиратами. Они прекрасно знали пиренейский берег, они владели языком, и из них получались прекрасные проводники и шпионы. Стоило лишь надеть христианские одежды – и мудехары беспрепятственно странствовали по испанским землям в самом сердце Пире-

²⁶ Автор четко разграничивает термины «корсарство» и «пиратство» (см. глоссарий). Книга посвящена именно первому. Однако в переводе оба понятия разграничены лишь там, где без этого не обойтись, во избежание тавтологии, усложняющей восприятие текста. Впрочем, читатель легко отличит, где о пиратах и пиратстве говорится как о синонимах корсаров и корсарства, а где – нет. – Прим. пер.

²⁷ Сам автор использует османский термин: мюдеджджели (см. глоссарий). – Прим. пер.

²⁸ John H. Pryor, *Geography, Technology, and War: Studies in the Maritime History of the Mediterranean, 649-1571* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), 99.

²⁹ Отвоевание португальским, кастильским и арагонским монархами земель Пиренейского полуострова у мусульман.

нейского полуострова³⁰. К примеру, как сообщал в апреле 1595 года вице-король Валенсии, корсары, пройдя две лиги (ок. 10 км) от берега, убили в Теуладе Антонио Вальеса и взяли в плен его жену, двоих детей и еще четверых юношей. В этом им содействовали двое провожатых-мудехаров, давние враги Вальеса. Эти двое иберийских мусульман уехали в Алжир, там сделались пиратами и впоследствии без всяких стеснений использовали «коллег» в решении личных дел. Спустя одиннадцать лет пираты снова будут свирепствовать еще в одной деревне в глубине полуострова – и их вновь приведут туда бывшие жители упомянутой деревни³¹.

Похоже, миграция мудехаров, которая медленно шла на протяжении целого века и завершилась в 1613 году их окончательным переселением, создала угрозу не только для берегов Испании, но и для Нового Света. Та легкость, с какой мудехар мог выдать себя за испанца, весьма тревожила одного испанского капитана, попавшего в алжирский плен. Этот пленник, капитан Серебряного флота (или «флота Индий»), чьи корабли курсировали между Америкой и Испанией, направил испанскому королю Филиппу III письмо, в котором упоминал, что благодаря мудехарам османские корсары могут достичь даже Америки³²: мудехары могли наняться матросами на испанское судно и выучить семафорную азбуку. Вряд ли такая новость обрадовала короля, ведь закон 1576 года воспрещал не испанцам не только служить рулевыми и капитанами (*maestre*) на кораблях, идущих в Новый Свет, но и владеть любыми картами, чертежами и книгами (*descripcion*), связанными с Америкой: Мадрид ревностно оберегал свои океанские маршруты от подданных чужих стран³³.

К 1627 году относится другой пример того, насколько трудно было и христианину, и мусульманину отличить испанца от мудехара на корабле. Когда гази захватили судно у Канарских островов, один из его испанских гребцов-невольников обвел их вокруг пальца, притворившись мудехаром; те сочли его мусульманином и отпустили³⁴. Интересно, что даже гребцы, вместе с которыми испанец сидел на веслах, не заметили его ловкого обмана и не предупредили пиратов. Неужели культурные различия между выходцами из одного региона, говорившими на одном языке, но исповедующими разные религии, и правда были столь незначительны?

Но не следует – по крайней мере, если мы говорим о XVI столетии, – преувеличивать доход мудехара от корсарства, которое Стенли Лейн Пул романтически назвал «местью изгнанника» (*exile's vengeance*)³⁵. Это пиратство ничем не отличалось от обычного разбоя. По сути, некоторых его представителей правильнее назвать не корсарами, а пиратами или просто морскими разбойниками. Их доля в магрибском корсарстве всегда оставалась незначительной, пусть даже христиан и донимало то, что пираты грабят деревни и похищают людей. Едва в дело вмешивался испанский флот, у алжирцев начинались проблемы, и им требовалась помощь. А

³⁰ Pierre Dan, *Histoire de Barbarie et de ses corsaires, des royaumes, et des villes d'Alger, de Tunis, de Salé et de Tripoly: ou il est traité de leur gouvernement, de leurs mœurs, de leurs cruautés, de leurs brigandages, de leurs sortilèges, & de plusieurs autres particularitez remarquables: ensemble des grandes misères et des cruels tourmens qu'endurent les Chrestiens captifs parmi ces infideles* (Paris: Pierre Rocolet, 2 изд., 1649), 203.

³¹ Ellen G. Friedman, *Spanish Captives in North Africa in the Early Modern Age* (Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 1983), 12.

³² Luis Alberto Anaya Hernández, *Moros en la costa: dos siglos de corsarismo berberisco en las Islas Canarias (1569–1749)* (Las Palmas de Gran Canaria: UNED, Centro Asociado de Las Palmas de Gran Canaria, 2006), 130.

³³ Recopilación de leyes de los reynos de la Indias, Tomo III (Madrid: Andres Ortega, 1774, 3-е издание), libro IX, título XXIII: Del Piloto mayor y cosmografos y demás pilotos de la Carrera de Indias, y arraaeces de barcos de carga, y su examen. 1576, закон 14, 288a. Elizabeth del Pilar Montanez Sanabria, «Challenging the Pacific Spanish Empire: Pirates in the Viceroyalty of Peru, 1570–1750» (Неизданная докторская диссертация, University of California Davis, 2014), 64; вероятно, диссертантка ссылается на XIV закон вместо XIII по той причине, что цифра написана в форме «XIII» на старый манер. Тем не менее прослеживается некоторая разница между текстом, который писательница перевела на английский язык, взяв его с какого-то интернет-сайта, и тем испанским, что в моем распоряжении. К примеру, если в ее переводе употреблено обобщающее выражение типа «кастильские королевства», то в тексте, который я использую, предпочтено изложение: «королевства Кастилии, Арагона и Наварры».

³⁴ Anaya Hernández, *Moros en la costa*, 130.

³⁵ Stanley Lane Poole, *The Barbary Corsairs* (London: T. Fisher Unwin, 1890), 8.

когда Реконкиста перешла на берега Северной Африки, жителям Алжира волей-неволей пришлось сотрудничать с мусульманскими корсарами из Восточного Средиземноморья.

Появление мусульман-гази, «второго поколения» корсаров, мгновенно изменило баланс сил в регионе. В военном опыте это поколение несравненно превосходило первых мудехаров. Именно из его рядов вышли такие знаменитые реисы, как Хызыр, Оруч, Тургуд, Салих, Айдын, Курдоглу Муслихиддин и Чифут Синан. Они проявили себя не только как адмиралы, но и как полководцы на суше³⁶.

Благодаря турецким войнам, которых регулярно, с разрешения султана, набирали в Анатолии, и пиратам-авантюристам, чьи ряды пополнялись ежедневно, братья Хызыр и Оруч завладели таким важным портом на средиземноморском западе, как Алжир, и объединили под одним знаменем корсаров – выходцев из Восточного Средиземноморья, вначале действовавших независимо друг от друга³⁷. В 1529 году корсары захватили наскальную крепость на острове Пеньон-де-Алжир. Остров располагался прямо напротив порта и постоянно угрожал заходившим в него испанским судам. Это сыграло особую роль в расцвете Алжира как корсарской базы. А затем, взяв под контроль другие близлежащие порты с городами, корсары даже создали свое государство, отныне спокойно нападая на испанский берег.

Следует отличать деятельность второго поколения корсаров, в основном пришедших с берегов Западной Анатолии, от скромного пиратства мудехаров XVI века. По словам Антонио Сосы³⁸, очевидца эпохи, мудехары постоянно курсировали возле испанских берегов на маленьких судах вроде бригантин³⁹ и фыркат⁴⁰. Вооруженные гребцы, служившие и солдатами на таких *чектири*, легких лодках, присыпали их песком на берегах или же прятали в пещерах, а затем, переодетые, появлялись на взморье. Они отлично владели испанским, и никто не узнавал в них иностранцев. А ночью мудехары шли по тайным путям, зная их как свои пять пальцев, и легко проходили мимо прибрежных дозорных башен, не вызывая у часовых никаких подозрений. Пираты действовали по ситуации: или грабили, или брали в плен встречных христиан, а когда им казалось, что добычи достаточно, они выводили корабли из укрытий и вместе с «трофеями и невольниками» возвращались в Магриб⁴¹.

Мудехары базировались и в Алжире, и в девяноста километрах к западу от него – в порту Шершель. Как говорил Пири-реис, они «сделали себе ставку, построив крепость в величе-

³⁶ Lemnouar Merouche, *Recherches sur l'Algérie à l'époque ottomane II. La course: mythes et réalité* (Editions Bouchene, 2007), 47.

³⁷ Rhoads Murphey, «Seyyid Muradî's Prose Biography of Hızir ibn Yakub, alias Hayreddin Barbarossa: Ottoman Folk Narrative as an under-exploited Source for Historical Reconstruction», *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 54/4 (2001): 524–530.

³⁸ В предисловии к первому изданию «Топографии» (Diego de Haedo, *Topografía e Historia General de Argel* (Madrid: La Sociedad de Bibliófilos Españoles, 1927, в 3 томах), одного из наших главных источников, увидевшего свет в 1612 году в испанском городе Вальядолид, Диего де Аэдо уведомляет, будто бы книгу составил его тезка – дядя по отцовской линии, инквизитор и архиепископ Палермо, – на основании свидетельств христиан, возвратившихся из неволи. Поэтому Аэдо на протяжении столетий считали автором «Топографии». Однако Джордж Камамис убедительно продемонстрировал, что это не соответствует действительности, и на самом деле книга принадлежит перу португальского клирика Антонио де Сосы, плененного в Алжире в 1577–1581 гг. George Samamis, *Estudios sobre el cautiverio en el siglo de oro* (Madrid: Gredos, 1977), 140–143. Для тех, кто ищет подробную информацию о личности Сосы и его пребывании в плену, а также для основательного изучения самого произведения см.: María Antonia Garcés, *Cervantes in Algiers: A Captive's Tale* (Nashville: Vanderbilt University Press, 2002), 67–84.

³⁹ Здесь и далее по тексту подразумеваются гребные бригантинны, существовавшие в Средиземноморье задолго до появления парусных. В русском флоте они появились в конце XVII века. Их турецко-османское название: пэргэндэ. Его использует и автор. – Прим. пер.

⁴⁰ Haedo, *Topografía*, Т. I, 91. Первый том этого бесценного произведения переведен на английский язык; он подробно раскрывает особенности города Алжира, сообщает о том, как управлялся город, какую роль в его жизни играли корсары, а также повествует о местном населении и его культуре. См. María Antonia Garcés (подготовка к печати), *An Early Modern Dialogue with Islam: Antonio de Sosa's Topography of Algiers (1612)*, перевод Diana de Armas Wilson (Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2011).

⁴¹ Haedo, *Topografía*, I. cilt, 92.

ственном городе»⁴², хотя от него остались одни руины. Но мы хотим еще раз подчеркнуть, что упомянутые мудехары совершали крайне незначительные операции. Например, в 1606 году восемь человек (да, всего лишь восемь!) напали на свою былую родину, деревню в испанской провинции Альтеа⁴³. Еще один документ сообщает, что некий мориск по имени Бланкильо командовал отрядом мудехаров чуть более чем в двадцать человек⁴⁴. Впрочем, подобные операции, проводимые на быстрых и легких кораблях, имели свои преимущества. Недостаток древесины в Северной Африке позволял строить там лишь такие суда, а не галеры и не *кальетэ*; собственно, поэтому мелкие пираты и обосновались в Шершеле, богатом древесиной. Но, в отличие от великих корсаров, мудехарам было незачем строить огромные корабли из дерева, разбирая для этого захваченные суда. Не приходилось им и ждать милости далеких султанов. К тому же их легкие лодки, рассчитанные на малый экипаж, можно было, в отличие от больших *чектири*, задействовать и зимой.

Настоящие корсары, как правило, плыли большим флотом или по крайней мере группами по два-три корабля. Они действовали намного искуснее – и причиняли намного больше разрушений. На палубах больших чектири, помимо гребцов, находились опытные солдаты и стояли пушки, а среди капитанов на протяжении XVI века не было ни одного мудехара. Все слегка изменится только в XVII столетии. В 1609–1613 годах из Испании депортируют последних мудехаров, которые оставались вопреки всему; выдворят даже тех, кто принял христианство, – неудивительно, что впоследствии еще больше мудехаров стали корсарами. Монах ордена тринитариев⁴⁵ Пьер Дан, ищущий средства для выкупа пленников, открыто осуждал испанского короля Филиппа III, изгнавшего мудехаров из страны вместо того, чтобы крестить или же истребить их род (*exterminer la race*); ведь они не только познакомили неверных (то есть мусульман) со многими ремеслами и, к слову, научили тех делать огнестрельное оружие, – они еще и поделились с корсарами знанием языка и рассказали о положении дел в их бывшей стране (*la situation & la langue du pais*)⁴⁶. Мудехаров было все больше, они становились все активнее – и, видимо, это открыло им путь и к широкомасштабному корсарству. Им уже не хватало простых высадок – они могли совершать набеги вместе с алжирским флотом [см. флотский перечень в разделе 4].

История Джулиана Переза, эмигранта последней волны, покажет, как мудехар мог пополнить ряды корсаров в Алжире, и раскроет связь между морским грабежом, рабством и торговлей. Перез, не имея ни гроша за душой, решил стать купцом, преуспел и быстро вошел в число богатейших торговцев Андалузии. Однако в 1609 году его вместе с семьей изгнали, и он поселился в Алжире, где занялся работоторговлей. Идеальный промысел для человека, который имеет связи на обоих берегах Средиземного моря и владеет культурными кодами обоих миров! Работоторговля обеспечила Перезу благосклонность правящей элиты Алжира, и ему позволили оснастить под корсарство два корабля. Однако привилегия к добру не привела. Корсарский путь Переза завершился рано: в 1618 году, в одном из рейдов, когда он лично стоял на носу корабля, его взяли в плен испанцы⁴⁷.

И состоятельный Перез – не исключение. Как видно из таблицы 2, в 1625–1626 годах в Алжире из 54 реисов, чье происхождение удалось подтвердить документально, мудехаров

⁴² Pirî Reis, *Kitab-ı Bahriye/Book of Navigation* (Ankara: Republic of Turkey, Prime Ministry, Undersecretaryship of Navigation, 2002), 478.

⁴³ Friedman, *Spanish Captives*, 12.

⁴⁴ Friedman, *Spanish Captives*, 24.

⁴⁵ Лат. Ordo Sanctissimae Trinitatis et captivorum. Орден был основан в 1198 году в Париже, возложив на себя миссию освобождения христианских пленников из неволи.

⁴⁶ Pierre Dan, *Histoire de Barbarie*, 203.

⁴⁷ AMN, *Collección Navarrete*, V, fol. 158, dök. 31; k. Friedman, *Spanish Captives*, 24; Anaya Hernández, *Moros en la costa*, 135–136.

было всего пятеро (9,2 %). А перечень в разделе 4 покажет, что в конце столетия в числе рейсов были мудехары из Валенсии, Арагона и Каталонии⁴⁸, записанные как «тагарины» – «Tagarim», «Tangareene» или же «bin Tagarin»⁴⁹. В Триполи все примерно так же: в середине века здесь среди рейсов тоже был некий Тагарин⁵⁰. Трудно сказать, был ли мудехаром или местным арабом рейс, обозначенный как «Мавр» («Moog») в перечне английского консула Томаса Бейкера (1679 год); по-моему, более вероятно первое⁵¹. И опять же, не стоит забывать, что из мудехаров, по сравнению с другими группами, вышло гораздо меньше рейсов. Если вкратце, несложно сделать вывод, что к ним не принадлежали те капитаны фыркаты и бригантин, которые, по словам Антонио Сосы, вскоре вознеслись на волне успеха и возглавили галеры и кальетэ. А что же помешало мудехарам покорить Алжир – страну возможностей, османскую Америку?

Эллен Фридман дает свой ответ: у мудехаров не было не только важной военной поддержки, но и экономических преимуществ⁵². Я же хочу заметить, что совершенно не согласен с ее аргументом, пусть даже он и имеет основания. Во-первых, военные возможности мудехаров не были настолько ограниченными. Они не раз пополняли ряды алжирских войск. В одном из писем от 1536 года говорится, что среди алжирских солдат было семь-восемь тысяч андалузцев и лишь две тысячи турок. Двадцать лет спустя Филипп II, рассказывая французскому послу о пятнадцати тысячах аркебузирова в Алжире, добавил, что шесть тысяч из этих «великолепных солдат» – андалузцы – и разве на это можно не обратить внимания?⁵³ Конечно, сложно объяснить, почему эти андалузцы не сумели обеспечить себя необходимым капиталом. Ведь, как мы покажем в разделе 10, многие корсары, начав с нуля, после прибыльных набегов сменили фыркаты и бригантины на кальетэ и галеры.

Повторим вопрос Меруша: ввело ли второе поколение корсаров – турки, пришедшие в эти края после 1520-х годов и взявшие власть, – эмбарго против мудехаров?⁵⁴ Возможно, да; на это указывает и тот факт, что местное население несколько не было причастно к корсарству. Похоже, новые пришельцы решили монополизировать пиратство и ни с кем не делиться прибылью. Чего еще ожидать от людей, прибывших с другого конца Средиземного моря, чтобы рисковать жизнью ради наживы? Да и алжирские янычары, гораздо сильнее мудехаров влиявшие на политику, завоевали право совершать набеги на пиратских кораблях и получать свою долю добычи лишь в 1568 году, после долгой борьбы, – столь искусно и стойко защищали корсары свои привилегии. Если для таких мудехаров, как Джулиан Перез, и делали исключение, то лишь потому, что зажиточные рабовладельцы имели тесные связи во властных верхах. А еще отметим, что корсары, в большинстве своем – турки и новообращенные мусульмане, не просто видели себя единственными властителями, но и к мудехарам относились с подозрением. Кое-где испанских переселенцев подозревали в шпионаже и в пособничестве Габсбургам. А впрочем, разве часть изгнанников не осталась христианами?⁵⁵ Кто мог поручиться, что завтра они не станут сотрудничать с врагом, если вдруг нападут испанцы?

А никто! После того как мудехаров изгнали из Испании и они начали пиратствовать в Алжире, произошло одно событие, и оно убедит нас в том, сколь сильную тревогу вызы-

⁴⁸ Аэдо упоминает о том, что в Северной Африке мудехары делятся на две группы: выходцев из Гранады и Андалузии зовут мудехарами, тогда как уроженцев Валенсии, Арагона и Каталонии – тагаринами. Naedo, *Topografía*, T. I, 50–51.

⁴⁹ Араб. бин – сын. Тагаринами называли морисков, изгнанных из Испании – насильно крещенных мусульман и их потомков, зачастую до переселения тайно исповедовавших ислам. См. также глоссарий автора. – Прим. пер.

⁵⁰ Anonim, *Histoire chronologique du royaume de Tripoly de Barbarie, tome premier, divisé en six parties*, BNF, Manuscrits français 12.219 R. 58.375, vr. 51v.

⁵¹ C. R. Pennell (yay. haz.), *Piracy and Diplomacy in Seventeenth-Century North Africa: The Journal of Tomas Baker. English Consul in Tripoli* (Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1989), 106.

⁵² Friedman, *Spanish Captives*, 24.

⁵³ Merouche, *La course: mythes et réalité*, 43.

⁵⁴ Merouche, *La course: mythes et réalité*, 44.

⁵⁵ Anaya Hernández, *Moros en la costa*, 132–133.

вали новые пришельцы у старых элит. Некий шпион, неофит-мусульманин, пойманный в 1618 году, сознался под пытками в таком, что это отразилось на всех мудехарах. Он рассказал, что испанцы заключили союз с вождем пустынных кочевников-бедуинов – эмиром поселения Куко, – а также с мудехарами и некоторыми мусульманами, недавно принявшими ислам. Как только шпион предупредил, что вскоре испанский флот нападет на Алжир, городские власти не упустили долгожданной возможности. Они не только обезоружили тех мудехаров, в чьей преданности сомневались, но и заперли во внутренней крепости даже мудехаров-мусульман, запретив тем одеваться по-турецки и носить усы. Во имя безопасности следовало отделить предателей от турок – правящей элиты, чья надежность не вызывала сомнений⁵⁶.

Разъяренные изгнанники-мудехары селились не только в портах Алжира. Они обосновались в марокканском Сале и начали разбойничать на побережье океана. По сути, мудехары жили в Сале еще с XVI века, хотя там и не было порта, подходящего для корсарства⁵⁷. Затем, в начале XVII века, к ним пришли еще 1200 переселенцев из села Орначос (орначерос), что в Эстремадуре. Те приплыли туда незадолго до изгнания и смогли перевезти имущество. Гораздо меньше повезло мудехарам, прибывшим из Санлукара, Кадиса и Льерены в «последней волне». Бедным переселенцам ничего не оставалось, кроме как присоединиться к орначерос, построившим крепость на другой окраине города, на левом берегу реки Бу-Регрег.

Новоприбывшие мудехары были обречены на корсарство. Впрочем, они и принадлежали к оседлой, но разбойничьей культуре. Большинство из них еще в Испании учиняло грабежи вместе с пиратами⁵⁸. Кроме того, напомним, что за 30 тысяч дукатов орначерос получили от Филиппа II право носить оружие. А кроме того, они чеканили фальшивую монету. И удивительно ли, что такое племя пополнило ряды пиратов на новой родине? К этим мудехарам в 1614 году примкнули и христианские пираты, вынужденные покинуть Эль-Мамуру (современная Мехдия), когда город перешел в руки испанцев. В результате Сале в мгновение ока преобразился в корсарский порт⁵⁹. Сами же его обитатели, вначале приняв покровительство султана, потом восстали и в 1627 году даже создали независимую республику; правда, постоянное соперничество между орначерос и мудехарами не позволило ей долго просуществовать.

Теперь возвратимся ко второму поколению мусульманских корсаров – к выходцам из Западной Анатолии, властвовавшим в Магрибе и с конца XV века все чаще (и все заметнее) нападавшим на христианские побережья. В западных источниках их обозначают как турок, однако здесь надо принимать во внимание не этнический, а религиозный смысл (именно так его понимали в Западном Средиземноморье). Между прочим, часть пиратов происходила из знатных греческих родов, принявших ислам несколько поколений назад. Скажем, матери реисов Хызыра и Оруча – христианки. Однако большинство корсаров, как, например, реисы Кара Дурмуш, Кара Хасан, Курдоглу Муслихиддин, Кемаль, Бурак и Пири, были мусульманами, как говорится, с деда-прадеда.

Всех их объединяли берега Анатолии. Мусульманское пиратство в регионе расцвело после турецко-венецианской войны⁶⁰. В XVI веке пираты начали искать новые территории для охоты. Со временем скромные грабежи на море переросли в организованное корсарство и

⁵⁶ ANH, *códices*, lib. 125B, fol. 69–72; Friedman, *Spanish Captives*, 174; Anaya Hernández, *Moros en la costa*, 133.

⁵⁷ Poole, *Te Barbary Corsairs*, 188.

⁵⁸ Sebastián García Martínez, *Bandolerismo, piratería y control de moriscos en Valencia durante el reinado de Felipe II* (Valencia: Universidad de Valencia, 1977).

⁵⁹ Roger Coindreau, *Les corsaires de Salé* (Paris: Société d'éditions géographiques, maritimes et coloniales, 1948; 3. baskı, Salé: La croisée des chemins, 2006), 42–43.

⁶⁰ Волкан Дёкмеджи, обратившись к венецианским источникам, посвятил свою работу указанному периоду. См. Volkan Dökmeci, «Venedik Kaynaklarına Göre II. Bayezid ve I. Selim Dönemlerinde Osmanlı Denizciliği ve Korsanlık» (Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, İstanbul Üniversitesi, 2011).

приняли очертания, подобные знаменитому «циклу пиратства» (*piracy cycle*), о котором писал Филип Госсе⁶¹.

Впрочем, ровно за три с половиной столетия до английского историка этот трехэтапный процесс уже подробно описал Мустафа Али. Он тоже не был в восторге от моряков с запада Анатолии и называл их «Mellahîn-i gâret-pesend» (моряки, любящие грабить и расхищать). Али сообщает, что в большинстве своем те были турками, уроженцами предгорий Каздага, что на северо-западном побережье Малой Азии. Эти турки сперва прославились как лучники, а потом, сбиваясь в шайки по пять-десять человек, начали похищать христианские «сандалы» – лодки. Спрятав такой сандал где-то в заливах между Эгейскими островами, разбойники усаживали в него и гребца из подданных падишаха-зимми⁶² – точнее, порабощали христиан, охраняемых исламским правом, – и начинали пиратствовать, нападая на те торговые корабли, которые привлекли их алчный взгляд (осм. «gözlerine yeğdirdikleri rencber gemilerün basub»). Какое-то время они совершали подобные набеги, пока не разживались на фыркату. Чем сильнее пираты приумножали богатство и опыт, тем быстрее переходили на новый уровень. Наступало время еще немного расширить судно или же купить новое, а еще лучше – получить кальетэ «по желанию» у одного из капитанов Мореи (Пелопоннеса). Накопив капитал и обретя мастерство, моряки прекращали разбойничать: они были готовы стать корсарам, а значит, им предстояло плыть в Магриб. Став корсаром, они обязались следовать определенным правилам: не нападать на мусульман и неверных из хараджюзар⁶³, не нарушать пределы джихада и газы и, раскаявшись в грехах, «следовать за благой верой, по возможности совершая намаз»⁶⁴. По крайней мере так все было в теории.

Итак, в начале XVI века корсары укрылись в Магрибе, пользуясь выгодной для них обстановкой на Западе. Между тем они нисколько не разорвали связей с Восточным Средиземноморьем и, участвуя в газавате Хайреддина, нередко возвращались на «истинную родину» – берега Эгейского моря⁶⁵. Например, в 1510-х годах Хызыр и Оруч зимовали на острове Мидилли (греч. Лесбос)⁶⁶. Опять-таки, в 1551 году, когда реисы Синан, Каид Али и Тургуд вместе с флотом плыли в Стамбул из морского дозора, некоторых реисов, подчинявшихся последнему, возле них не оказалось – походы кончились, и те отправились в Анатолию, к семьям⁶⁷.

Третье поколение: мусульмане-неофиты Средиземноморья

Второе поколение корсаров, уроженцы анатолийских берегов, остро чувствовали свою идентичность. Местное население их презирало – ведь они турки⁶⁸, – а сами они от местных

⁶¹ Philip Gosse, *The History of Piracy* (New York: Longmans, Green and Co., 1932; Mineola: Dover Publications, 2007), 1–2. Добавим, что не стоит путать автора этой книги с ярким оппонентом Дарвина, фанатичным зоологом и морским биологом Филипом Генри Госсе, о котором рассказывает в своей книге «Отец и сын» Эдмунд Госсе. Филип Госсе был внуком Филипа Генри Госсе (и, следовательно, сыном Эдмунда), врачом по образованию, и жил в первой половине XX века.

⁶² Зимми (от араб. ахль аль-зимма – «люди договора», тур. zimmi) – собирательное название немусульманского населения на территории государств, созданных или завоеванных мусульманами; Пользуясь защитой жизни и имущества, зимми признавали безраздельное господство ислама, уплачивая дань (джизью), и при этом были существенно ограничены в правах по сравнению с мусульманами. – Прим. пер.

⁶³ Харадж-юзар – от араб. харадж (налог, синоним джизьи) и перс. юзар (плательщик). Османский термин для обозначения немусульманского населения, выплачивающего дань или же налог, предписанный для него шариатом – джизью/харадж. Применялся также к государствам и странам, принявшим османское подданство.

⁶⁴ Mehmet Şeker (yay. haz.), *Gelibolulu Mustafa ve Mevâ'idün-Nefâis fi-Kavâ'i-di'l-Mecâlis* (Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1997), 288.

⁶⁵ Seyyid Murâd Re'îs, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, yay. haz. Mustafa Yıldız (Aachen: Verlag Shaker, 1993), fol. 32b, s. 61; fol. 54a, s. 72; fol. 132a, s. 112.

⁶⁶ Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vt. 50'ler.

⁶⁷ ASV, SAPC, fil. 5, c. 246r (21 октября 1551).

⁶⁸ Я хотел бы обратить внимание на некоторые выражения в «Газавате»: «Нет племени, коего я бы так не любил, как

тщательно отгораживались. А кроме культурных различий, приходилось заботиться и о том, чтобы местные не занимались ни пиратством, ни военной службой, – то были занятия, уготованные правящей элите, к которой турки себя и относили. Поэтому когда Оруч-реис, отказавшись от установленного в Алжире владычества, присоединит свой вилайет к османской административной системе в качестве бейлербейлика⁶⁹, он попросит у султана Селима разрешения набирать солдат из турок в Западной Анатолии. Однако кроме турецких солдат-иноземцев требовалось найти и корсаров в экипаж. И здесь на первый план выходят христиане – или пленники, или добровольцы, прибывшие в Алжир и принявшие ислам.

Но разве в Анатолии недоставало моряков? Почему анатолийские корсары, ревностно защищая свои привилегии, принимали клятву верности от подозрительных неофитов? Бесспорно, здесь сыграла главную роль вечная проблема: да, моряков не хватало. В Средиземном море мало рыбы, и пусть это искажает популярный образ «благоденствующего края», но это так. Главная причина в том, что глубочайшему Бахр-ы Сефид (Белое море, так по-османски называют Средиземное), образованному вследствие геологических разломов, недостает континентальной платформы с более мелким дном, пригодным для живых существ. Достаточно немного отдалиться от берега – и море мгновенно становится глубже; в нем очень мало платформ с глубиной, необходимой для водных обитателей (менее 200 метров)⁷⁰. Более того, воды Средиземного моря очень древние, и биологически они истощились⁷¹.

К тому же из-за испарений, превышающих осадки, Средиземное море высыхает, а его поверхностные воды солонют. Атлантический океан компенсирует нехватку на 71 %, но океанская вода не подходит для фитопланктона. Ее притягивают соленые воды Средиземного моря, а глубинные океанские воды, богатые нутриентами, не могут пройти: их не пускает мелкое дно Гибралтара, – и Средиземное море, обмениваясь водой с океаном, оказывается в проигрыше. Если из пролива в него проникают поверхностные океанские воды, богатые планктоном, то обратно уходит вода из морских глубин. Этот дисбаланс образует нехватку нутриентов, что делает Средиземное море голубым и прозрачным; и из-за этой олиготрофии в нем, в свою очередь, мало и рыбы, и рыбаков⁷².

Одним словом, в Средиземном море нам не встретить северных рыбацких флотилий; их заменяют ловцы кораллов. И, повторим, там мало моряков. Даже венецианцы – самая опытная и организованная сила на Средиземном море – страдали от недостатка моряцких рук. Что за поразительное противоречие?! В 1589 году адмирал критского флота Филиппо Паскуалиго жаловался на крайне ошутимое отсутствие моряков (*notabilissimo mancamento*)⁷³. И венеци-

турок». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 157b, s. 125; «Пускай каждому, кто захватит турка, отрубит ему голову и принесет ее мне, достанется и все, что имеется на нем, сверх награды десятью гурушами» (гуруш – осм. название серебряной европейской монеты). «Если я араб, то – бос и гол, когда же была газа великая, чтоб убивать турка под боком, потекла кровь, так что теперь роздана награда». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 164a, s. 128.

⁶⁹ Бейлербейлик – самая крупная территориально-административная единица Османской империи, непосредственно подчинена центру; провинция, которой управлял бейлербей (бей над беями). Также употребляется в значении должности самого бейлербея. Эйлет – с XVI столетия – синоним бейлербейлика.

⁷⁰ Fernand Braudel, *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II* (Paris: Librairie Armand Colin, 2. baskı, 1966), I. cilt, 127.

⁷¹ E. le Danois, *L'Atlantique, histoire et vie d'un ocean* (Paris: Albin Michel, 1938), 197–198.

⁷² Peregrine Horden and Nicholas Purcell, *The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History* (Oxford: Blackwell, 2000), 191; Fredric Cheyette, «The Mediterranean Climate», *A Companion to Mediterranean History*, yay. haz. Peregrine Horden and Sharon Kinoshita (Chichester, West Sussex: Wiley Blackwell, 2014), 13. Здесь мы должны еще раз выйти за комфортные рамки исторических описаний и добавить: замеры в Гибралтаре с 2005 по 2008 г. засвидетельствовали, что вливающиеся из океана воды обогащены фосфатом, который исчезает в ходе внутренних циклических процессов (internal cycling processes) Средиземного моря. I. E. Huertas, A. F. Ríos vd., «Atlantic Forcing of the Mediterranean Oligotrophy», *Global Biogeochemical Cycles* 26 (2012), GB2022, doi:10.1029/2011GB004167.

⁷³ Victor Ivanovich Lamanskii (yay. haz.), *Secret d'état de Venise: documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle* (Saint Petersburg: Imprimerie de l'académie impériale des sciences, 1884), 578. Согласно Брайану Пуллану, сильнейшим преимуществом Англии были не

анцы учитывали эту нехватку, убивая османов, захваченных в битве при Лепанто, и советуя сделать то же самое Риму с Мадридом.

«Нехватка рук» издавна определила космополитическую суть корсарства; ни один влиятельный политик не позволял себе роскоши отказаться от опытных моряков из-за их религии или расы. Сами византийцы, прибегнув накануне Четвертого крестового похода к покровительству пиратов-католиков из Западного Средиземноморья, в следующем столетии начнут сотрудничать с мусульманскими корсарами. К тому же еще в XII столетии можно было встретить немало мусульманских моряков и пассажиров на пизанских судах⁷⁴. Точно так же греческие моряки подчинялись властям анатолийского бейлика Айдыногуллары⁷⁵. В подобной обстановке правит тот, кто больше платит, и когда анатолийским корсарам требовались экипажи, ничто не мешало им привлечь новообращенных мусульман⁷⁶.

Впрочем, следует подчеркнуть, что не только нехватка моряков повлияла на возникновение упомянутого космополитизма. И в других регионах на корсарских кораблях присутствовали представители разных этносов и религий. И пусть китайское слово «*вокою*» означало «карликовых» или же «японских» корсаров, это еще не значит, что мы должны забыть, как их ряды пополняли и китайцы, и тайцы с малайцами, и испанцы с португальцами, и даже африканцы⁷⁷. Управляющие японскими портами в предвкушении потирали руки, с улыбкой встречая китайских, нидерландских, английских пиратов и даже голландскую Ост-Индскую компанию (*Verenigde Oost-Indische Compagnie*)⁷⁸. Не стоит забывать и о карибских буканьерах, получавших патенты на пиратство от местного начальства, если им не удавалось найти покровителя среди колониальных губернаторов⁷⁹. В команде флагманского корабля «Уида» (водолазы нашли его в 1984 году) наряду с представителями всех морских наций Европы находились индейцы, а также чернокожие из Америки и Африки, и все оттого, что демократически настроенные пираты, поборники равенства (*egalitarian*) и свободы (*libertarian*), не знали другой родины, кроме моря и палубы. Напомним мы и то, как в Атлантике с 1715 по 1726 год 25–30 % из более чем тысячи пиратов-христиан составляли африканцы, и ни к кому из них, вопреки определенным мнениям⁸⁰, не относились как к матросам второго сорта. Порой они даже командовали белыми людьми, исполняя обязанности капитанов. Все это несомненно демонстрирует космополитизм и свободу корсарского мира⁸¹.

только высокие навигационные качества судов, но и опытные экипажи. Brian Pullan, «Editor's Introduction», *Crisis and Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*, уау. haz. Brian Pullan (London: Methuen&Co. Ltd., 1968), 8.

⁷⁴ Enrica Salvatori, «Corsairs' Crews and Cross-Cultural Interactions: Te Case of the Pisan Trapelicinus in the Twelfth Century», *Medieval Encounters* 13 (2007): 32–55.

⁷⁵ Pryor, *Geography, Technology, and War*, 154.

⁷⁶ О политическом влиянии новообращенных мусульман в Алжире см.: Pierre Boyer, «Les renégats et la marine de la régence d'Alger», *Revue de l'Occident musulman et de l'Occident et de la Méditerranée* 39 (1985): 93–106.

⁷⁷ Robert J. Anthony, *Like Froth Floating on the Sea: Te World of Pirates and Seafarers in Late Imperial South China* (Berkeley: Institute of East Asian Studies, 2003), 22.

⁷⁸ Tonio Andrade, «Te Company's Chinese Pirates: How the Dutch East India Company Tried to Lead a Coalition of Pirates to War against China, 1621–1662», *Journal of World History* 15/4 (2004): 415–444; Adam Clulow, «The Pirate and the Warlord», *Journal of Early Modern History* 16 (2012), 531–514.

⁷⁹ Michael Kempe, «Even in the Remotest Corners of the World': Globalized Piracy and International Law, 1500–1900», *Journal of Global History* 5/3 (November 2010), 362. О союзе этих корсаров с индейцами см. Ignacio J. Gallup-Díaz, *The Door of the Seas and the Key to the Universe: Indian Politics and Imperial Rivalry in the Darién, 1640–1750* (New York: Columbia University Press, 2005), 53–74.

⁸⁰ Michael Cohn and Michael K. H. Platze, *Black Men of the Sea* (New York: Dodd, Mead, 1978), 31; David Cordingly, *Life among the Pirates: Te Romance and the Reality* (London: Little, Born, 1995), 27–28; W. Jeffrey Bolster, *Black Jacks: African American Seamen in the Age of Sail* (Cambridge: Harvard University Press), 15.

⁸¹ Kenneth J. Kinkor, «Black Men under the Black Flag», *Bandits at Sea: A Pirate's Reader*, уау. haz. C. R. Pennel (New York and London: New York University Press, 2001), 197–198, 200.

Нет смысла приводить примеры, отбирая время у читателя. Главная мысль заведомо понятна: прагматичный мир пиратов, бывший вне официоза и правил, умел решать любые разногласия лучше самой амбициозной империи. Вот идеальный феномен пограничья!

И сколько бы ни преувеличивал Бельхамисси, утверждая, что почти все алжирские реисы были европейцами⁸², мы сами видим, как на протяжении столетия среди корсаров становилось все больше неофитов-мусульман. Если не брать во внимание мелких пиратов, в основном мудахаров, которые пиратствовали на фыркатах и бригантинах (такие пираты сохранились до наших дней), то благодаря источникам, в которых перечислены капитаны больших чектири, легко понять, кто стоял на самом верш корсарского общества.

Судя по шпионскому рапорту 1534 года, в кругу ближайших помощников Барбароса⁸³, покинувшего Стамбул во главе пятидесяти двух галер султанского флота, находилось всего три турка (Салих, Айдын и Таваджо). Остальные были мусульманами-неофитами: Мурад-ага, выходец с острова Лопуд, входящего в состав Дубровницкой (Рагузской) республики; Хасан-ага, уроженец Сардинии, наместник Барбароса в Алжире; генуэзец Хамза-реис; испанцы Леван и Эль-Кадри Бали (Alcady Bali); неаполитанец Халчмат Сетан и грек Рамазан⁸⁴. Возможно, мы и преувеличиваем, но это значимое наблюдение, и оно показывает, как мусульмане-неофиты пополняли их ряды восточно-средиземноморских корсаров с самого появления последних.

Как видно из таблицы 1, в 1581 году из тридцати пяти реисов, возглавлявших алжирский флот, всего лишь десять (28 %) были настоящими турками (по выражению Антонио Сосы, «turco de nasción», то есть «турок от рождения»). Также вместе с тремя реисами, чьи отцы обратились в ислам, 13 человек (37 %) родились мусульманами. Остальные 22 (63 %) – новообращенные мусульмане (turco de profesión, «турки по роду занятий»): шесть генуэзцев; три грека; два испанца; два албанца; два венецианца и по одному представителю Венгрии, Франции, Корсики, Неаполя, Сицилии и Калабрии. Обратим внимание, что один реис обратился в ислам из иудаизма.

⁸² Moulay Belhamissi, *Histoire de la marine algérienne (1516–1830)* (Alger: Entreprise Nationale du Livre, 1986), 31; a.g.y., *Marine et marins d'Alger*, I. cilt, 54.

⁸³ Следуя автору, мы придерживаемся в переводе транслитерации турецкой и османской передачи имени известного корсара как Барбарос (тур., осм. Barbaross). В европейском варианте он более известен как Барбаросса.

⁸⁴ Muzaffer Arıkan y Paulino Toledo, XIV–XVI. Yüzyıllarda Türk-İspanyol İlişkileri ve Denizcilik Tarihimize İlgili İspanyol Belgeleri (Ankara: Deniz Kuvvetleri Komutanlığı Karargah Basımevi, 1995), 226.

Таблица 1

Корсарские рейсы в Алжире и их происхождение. 1581

	Имя	Религиозные и этнические корни	Количество гребцов
1	Джафер, бейлербей	Венгр, мюхтэди	24
2	Арнавуд Меми, капудан (адмирал) Алжира	Албанец, мюхтэди	22
3	Франсыз Мурад	Француз, мюхтэди	22
4	Дэли Меми	Грек, мюхтэди	22
5	Буюк (Большой) Мурад-реис	Албанец, мюхтэди	24
6	Феррух-реис	Генуэзец, мюхтэди	18
7	Мурад Матрапильо	Испанец, мюхтэди	22
8	Иса-реис	Турок, сын турка	18
9	Арапча-реис	Турок, сын турка	18
10	Хамза (Амиџа)	Турок, сын турка	20
11	Кючюк (Малый) Мурад-реис (El Requeño)	Грек, мюхтэди	18
12	Синап-реис	Турок, сын турка	22
13	Юсуф-реис	Испанский мюхтэди	22
14	Хаджи ¹ Бали (Agibali)	Турок, сын турка	18
15	Дженевезли Хасан (Asan Ginoves)	Генуэзец, мюхтэди из мурабитов ² (renegado del Morabuto)	18
16	Каид Давуд	Турок, сын турка	20
17	Каид Хайдар (Chader)	Сын мюхтэди, мусульманин	23
18	Каид Джиджэр? (El Cayde Giger)	Турок, сын турка	22
19	Мерджа? Меми (Marjamamy)	Генуэзец, мюхтэди	18
20	Мемиш (Mamiha)	Турок, сын турка	18
21	Кади ³ Мухаммед (Mahamet)	Иудей, мюхтэди	15
22	Мэмиш (Mamiha)	Генуэзец, мюхтэди	18

Хаджи⁸⁵.

Мурабит⁸⁶.

⁸⁵ Хаджи (тур.) – совершивший хадж, то есть паломничество ко святым местам в Мекку.

⁸⁶ Мурабит (араб.) – в Западной Африке (а ранее и в странах Магриба) мусульманский святой. Мог быть и благочестивым отшельником и святым, или поборником истинного ислама в войне против неверных. Гробницы с куполом, где хоронили таких святых, также называли марабутами. – *Прим. пер.*

Кади⁸⁷.

Окончание табл. 1

	Имя	Религиозные и этнические корни	Количество гребцов
23	Меми-реис	Венецианец, мюхтэди	22
24	Ченгель (Gancho) Меми	Венецианец, мюхтэди	22
25	Меми Корсо (Mami Corso)	Корсиканец, мюхтэди	20
26	Меми	Калабриец, мюхтэди	20
27	Падован-реис (Paduan)	Сын мюхтэди, мусульманин	22
28	Кади-реис	Турок, сын турка	22
29	Дюндар-реис? (Donardi)	Грек, мюхтэди	19
30	Монтез Джафер (Jafer Montez)	Сицилиец, мюхтэди	22
31	Хасан Форнаро (Asan Fornaro)	Генуэзец, мюхтэди	15
32	Кара-реис (Cari Raetz)	Турок, сын турка	18
33	Гавур (Саур) Али	Сын мюхтэди, мусульманин	20
34	Юсуф Ремолар	Неаполитанец, мюхтэди	20
35	Джафер	Генуэзец, мюхтэди	20

Источник: Naedo, *Topografia*, 89–91.

Однако, несмотря на все показатели, в итоге следует отметить, что еще в третьей и даже в последней четверти XVI столетия капитаны, вышедшие из рабов, считались аномалией или по крайней мере составляли отдельную группу. Иначе как объяснить, почему многие из пиратов звались «улуджами»? Эта приставка к имени означала раба.

Четвертое поколение: северные мюхтэди

В XVII веке османским корсарам пришлось приспособляться и к прогрессу кораблестроения, и к переменам на торговых путях. Из Америки в Европу шло все больше таких товаров, как драгоценные металлы и сахар, кофе и хлопок, и начиная с конца XVI века это привело к возникновению мощного корсарства в океане. Корсары – прежде всего алжирские, имевшие базы недалеко от Гибралтарского пролива, а также на берегу океана в Сале – не замедлили устремиться в охотничьи угодья своих английских и голландских коллег.

Вот только осуществить свои планы им было не суждено, ведь походные условия в Атлантике непохожи на средиземноморские. Да, в Средиземном море есть и опасные места, скажем, Мессинский пролив, но походы в нем, как правило, легки. С конца марта до конца октября небо безоблачно и путь удается определять по звездам. В штить можно без проблем бросить якорь невдалеке от берега. И как бы ветры ни беспокоили суда, особенно у Магриба, основные охотничьи территории корсаров всегда оставались относительно безопасными. Средиземное море – маленькое, там не встретить столь больших волн, как в Атлантическом океане. Кроме

⁸⁷ Кади, кадий (осм. kadı) – шариатский судья. – Прим. пер.

того, оно повсюду усеяно островами, отчего выходить в морские походы было еще легче⁸⁸. В море непросто было потерять из вида сушу – суда были обречены причаливать к берегу. Не это ли побудило Броделя сравнить его открытые воды с песками Сахары?⁸⁹

Галеры, тесные и с низкими палубами, не подходили для океанских волн. Там требовались галеоны, каравеллы или буртуны, парусники с пушками, с высокой грузоподъемностью, позволяющие долго маневрировать вдали от берега. С ними мусульман познакомят те северные пираты, которых мы причислим к «четвертому поколению». В исторической литературе много раз упоминалось, что голландский корсар Симон Дансекер показывал алжирцам, как ходить на парусных судах, а ренегат-англичанин Джон Уорд учил тому же тунисцев⁹⁰. Что же касается Триполитании, далекой от Гибралтара, то там несколько позже такая честь выпадет греку Меми-реису⁹¹, принявшему ислам.

Капитаны, привыкшие к плаванию в приятных водах, не могли и представить, как сражаться с переменчивыми волнами, враждебными ветрами и коварными течениями у берегов Северной Испании, Западной Франции, Голландии и Англии. И помимо прочего, там, в отличие от Средиземноморья, было трудно сойти на сушу. Проще говоря, корсарам требовались проводники, знавшие океанское побережье⁹². Сколь бы часто выходцы из Средиземноморья ни выходили за Гибралтар, в океан шли только мюхтэди-северяне, хлынувшие в магрибские порты с XVII века. После того как в 1604 году Испания заключила мир с Соединенными провинциями, английские и голландские моряки, сидевшие без дела, вместе с пиратами устремились в Магриб. Вначале часть из них оказалась в Эль-Мамуре на берегах Марокко, но едва порт перешел в руки испанцев, перебралась в Сале⁹³. Остальные взяли курс на Алжир и частично на Тунис.

Перечень реисов Алжира за 1625–1626 годы (табл. 2) убедит нас в том, что северяне «захватили» южные порты. В нем указано происхождение пятидесяти четырех из пятидесяти пяти капитанов: в противовес тридцати мусульманам (55,5 %) – двадцать четыре мюхтэди (44,5 %). Причем двадцать два мусульманина из тридцати – дети турок, еще шесть – мудехары или же потомки тех, кто эмигрировал из Испании в 1492–1613 годах. Еще двое – также мусульмане: каждого обозначили как «кулоглу»⁹⁴ («сын раба»). Вероятно, их отцы – принявшие ислам янычары. Однако не следует забывать, что ряды алжирских янычаров пополняли и мюхтэди. Сами мусульмане-неофиты распределены так: пять голландцев; пять французов; три англичанина; два португальца; два грека, а также поляк, фламандец, датчанин, немец, фрисландец, валлонец и испанец.

⁸⁸ Pryor, *Geography, Technology, and War*, 12.

⁸⁹ Braudel, *La Méditerranée*, I. cilt, 94–98.

⁹⁰ Pierre Dan, *Histoire de Barbarie*, 311.

⁹¹ Alberto Sacerdoti (yay. haz.), «Africa overo Barbaria»: Relazione al Doge di Venezia sulle reggenze di Algeri e di Tunisi del dragomanno Gio. Batta Salvago (1625) (Padova: CEDAM, 1937), 59; Dan, *Histoire de Barbarie*, 315; Anonim, *Histoironologique du royaume de Tripoly*, vr. 51r-51v. Хотя часть современных историков повторяет эту информацию из источников [Albert Devoulx, «La marine de la régence d'Alger», *Revue Africaine* 13/77 (1869), 390–391]; Mercedes García-Arenal y Miguel Ángel de Bunes Ibarra, *Los españoles y el Norte de Africa, siglos XV–XVIII* (Madrid: Editorial Mapfre, 1992), 200], согласно Годфри Фишеру, Джона Уорда, должно быть, спутали с однофамильцем и тезкой [Godfrey Fisher, *Barbary Legend: War, Trade and Piracy in North Africa, 1415–1830* (Westport: Greenwood Press, 1957), 160.]

⁹² Adrian Tinniswood, *Pirates of Barbary: Corsairs, Conquests and Captivity in the Seventeenth-Century Mediterranean* (New York: Riverhead Books, 2010), 85.

⁹³ Coindreau, *Les corsaires de Salé*, 46.

⁹⁴ Кул (осм.) – раб; отсюда – капькулу: (осм. раб ворот / порога) – личные рабы османского султана, выходцы из системы девширме (основанной на рекрутировании мальчиков у христиан для обращения в ислам и службы султану); часто – администраторы, служащие дворца, слуги падишаха, и прежде всего – его войско, в частности янычары. Таким образом, кулоглу или, во мн. числе, кулогуллары – исполняющие военные обязанности дети янычаров. – Прим. пер.

Если сопоставить данные об этническом происхождении в таблицах 1 и 2, нам откроется более подробная картина смены командования между северянами и южанами. Ведь речь не только о том, что доля мусульман выросла с 37 % до 55,5 %. В перечне за 1625–1626 годы почти не указаны итальянцы, хотя еще 38 лет тому назад они составляли 34 % аналогичного списка. В то же время в перечне 1581 года нет северян, за исключением одного француза; да и то весьма сомнительно, что он прибыл именно с севера Франции. Между тем список 1625–1626 годов ясно показывает, что в Алжир стремились моряки едва ли не со всего севера Атлантики. В целом 16 человек (30 %) из перечня – это представители Голландии, Англии, Португалии, Германии, Дании, Фрисландии и Валлонии.

Вероятнее всего, и единственный испанец, чье имя представлено в списке, родился на океанском побережье, поскольку он – выходец из Галисии. Опять-таки, согласно перечню, один из французов прибыл из Руана, другого называли «Гасконцем»; и высока вероятность того, что и третий из них – северянин. Достаточно прибавить их к выходцам из Севера, и доля последних возрастет до 41 %; если же прибавить двоих – до 39 %; одного – до 37 %. Наконец у нас остается всего два моряка родом из Средиземноморья, и они оба – греки, то есть выходцы с его восточной части. А ренегаты из Италии, Испании, Корсики, Сицилии и Сардинии, которых еще сорок лет назад мы бы увидели повсюду, совершенно исчезают.

Таблица 2

Корсарские рейсы в Алжире и их происхождение, 1625-1626

	Имя	Религиозные и этнические корни	Край
1	Мустафа-реис (канудан Алжира)	Турок, сын турка	
2	Сары (Serra) Мустафа-реис	Турок, сын турка	
3	Франсыз (Француз) Мурад-реис	Француз, мюхтэди	
4	Мехмед Тагарино	Мудехар	
5	Табаджа-реис (Tabacca)	Турок, сын турка	
6	Калфа Хасан-реис (Kalafat)	Поляк, мюхтэди ¹	
7	Хасан-реис (настоящее имя: Meinart Direxsen Veenboer)	Голландец, мюхтэди	
8	Ингилиз (Англичанин) Мехмед	Англичанин, мюхтэди	
9	Ингилиз (Англичанин) Меми	Англичанин, мюхтэди	
10	Дели Хамид-реис	Турок, сын турка	
11	Ладино Муса-реис	Турок, сын турка	
12	Курт-реис (Corto Greco)	Грек, мюхтэди	
13	Меми-реис	Датчанин, мюхтэди	
14	Карабейли-реис (Йобартен-бейли)	Турок, сын турка	
15	Джафер Монте Кулоглу	Сын мюхтэди, турок (сын Мустафы-реиса)	
16	Вели-реис	Турок, сын турка	
17	Дан Арему	Турок, сын турка	
18	Али-реис	Грек, мюхтэди	Измир
19	Фламенко Мурад-реис	Фламандец, мюхтэди	Антверпен
20	Шаши (Louche) Мурад	Немец, мюхтэди	Гамбург
21	Сефер-реис (Tomas le Filou)	Фриз, мюхтэди	Харлингген
22	Сулейман/Сельман (Seliman) или Капитан Гаскон	Француз, мюхтэди	
23	Валон Мустафа-реис	Валлон, мюхтэди	
24	Джезайирли (Алжирец) Хасан-паша	Турок, сын турка	
25	Хасан-реис (настоящее имя: Джан Маринус)	Голландец, мюхтэди	Соммельсдейк
26	Ходжа (Учитель – тур.) ² Мехмед Тагарино	Мудехар	

Поляк⁹⁵.

Ходжа⁹⁶.

⁹⁵ Согласно *Le Mercure François*, Хасан Калфа, в 1626 году пошедший на дно вместе со своим кораблем вследствие нападения христиан, был не поляком, а греком. *Le Mercure François, ou Suite de l'Histoire de nostre temps, sous le regne du Tres-Chrestien Roy de France & de Navarre Lovys XIII. M.DC.XXVI., Vol. XII: 1626–1627* (Paris: Chez Jean & Estienne Richer, tarihsiz), 78.

⁹⁶ Ходжа (осм., тур.) – уважительное звание учителя, преподавателя, ученого, богослова или религиозного деятеля,

Окончание табл. 2

	Имя	Религиозные и этнические корни	Край
27	Кара Меми	Турок, сын турка	
28	Реджеб-реис	Голландец, мюхтэди	Гаага
29	Бекир-реис	Турок, сын турка	
30	Кара-ходжа	Турок, сын турка	
31	Селим-реис	Француз, мюхтэди	
32	Хасан-реис	Француз, мюхтэди	
33	Шабан-реис	Француз, мюхтэди	
34	Хамза-реис	Турок, сын турка	
35	Кючюк (Cortzuck) ¹ Хамза-реис	Турок, сын турка	
36	Кючюк (Cortzu) Мехмед-реис	Турок, сын турка	
37	Мустафа Сакколи и Хрото (Saccoli i Chroto)		
38	Галичялы (Gallego) Мехмед-реис (тур. Галичялы – Галисиец)	Испанец, мюхтэди	Галисия
39	Кючюк (Cortzuck) Мехмед	Турок, сын турка	
40	Кючюк (Cortzu) Мустафа	Турок, сын турка	
41	Монталва Тагарино	Мудехар	
42	Мехмед	Португалец, мюхтэди	
43	Баба Али	Португалец, мюхтэди	
44	Пис Али/ Пияле (Paisasle) Реис	Турок, сын турка	
45	Али-реис, или Джуло Бронзо Тагарино	Мудехар	
46	Халиль-реис	Турок, сын турка	
47	Кара Абди-реис	Турок, сын турка	
48	Реджеп-паша реис	Турок, сын турка	
49	Хайдар Эмин? (Alder Aman)	Турок, сын турка	
50	Рамазан-реис (фамилия Winter)	Англичанин, мюхтэди	
51	Мехмед Моро-реис	Мудехар (Morester)	
52	Ибрам-реис	Мудехар (тагарин)	
53	Хаджи Мемми-реис (Pieter Janssen)	Голландец, мюхтэди	Акерслут
54	Сулейман Буффозн		Схондерло, Роттердам
55	Кулоглу		

Источник: Cornelis Pijnacker, *Description historique des villes de Tunis, d'Alger et d'autres se trouvant en Barbarie (1626)*, yay. haz. ve çev. Gérard van Krieken (Alger: ENAG, 2015), 103–106.

Кючюк⁹⁷.

независимо от его должности, положения в обществе и т. п. – Прим. пер.

⁹⁷ Кючюк (тур.) – малый, маленький. – Прим. пер.

Конечно, можно убеждать, что перечень Корнелиса Пейнаккера неполон и сам голландец позабыл имена средиземноморских капитанов, поскольку более тесные отношения поддерживал с северянами. Но это противоречит здравому смыслу, ведь имена тридцати мусульман он внес, да еще и дописал имена их отцов и происхождение. И не стоит преувеличивать влияние землячества. Все друг с другом видятся – иначе как объяснить визит измирского грека Али-реиса к Пейнаккеру в 1621 году? Он тогда сошел на берег, едва шторм прибил его корабль к Гааге⁹⁸.

Подсчеты Меруша также подтверждают, что северян-мюхтэди из четвертого поколения со временем стало больше, чем представителей третьего, выходцев из Средиземноморья. Так, с 1580 по 1649 г. семьдесят из ста четырех мюхтэди вышли из Средиземноморья, а тридцать четыре (33 %) прибыли с Севера. Однако во второй половине XVII века северяне уже составили большинство⁹⁹. Сохранившийся с 1660 года другой перечень определенно демонстрирует, как их число среди мудехаров неизбежно умножалось. Новообращенными мусульманами были не только реисы тринадцати из восемнадцати кораблей, отправившихся из Алжира на священную войну (шесть греков; два француза; генуэзец, англичанин, швед, валлонез и датчанин), но и капитаны трех кораблей из четырех, оставшихся тогда в порту (англичанин и португалец)¹⁰⁰. Если же от неофитов отнять греков – возможно, османских подданных и, в любом случае, выходцев с Восточного Средиземноморья, – станет еще понятнее, что западные моряки в основном прибывали с севера. Достаточно причислить французов к северянам – и доля представителей Средиземноморья снизится до 10 %. Но самое главное – эта доля не превысит 30 %, даже если мы прибавим французов обратно.

Незачем рассказывать, что пираты Атлантики грабили и собственные страны. Упомянем лишь об их нападениях на Исландию (1627) и ирландский Балтимор (1631). Ведь если такие нападения были – значит, в портах Магриба оказалось много пленных протестантов, опять-таки выходцев с севера. Часть из них, став мусульманами, не упустила возможности испытать себя в корсарстве. Сэмюэль Пёрчес в 1619 году пишет, что за последние десять лет 857 немцев, 300 англичан, 138 жителей Гамбурга, 60 датчан и истерлингов, 250 славян (поляков, венгров и русов)¹⁰¹, 130 голландцев и множество французов отрелись от веры, приняв ислам¹⁰². Даже среди пленников, захваченных в Исландии, двое «удостоились света ислама». Один из них, Джон Асбьямарсон, займет важный пост при дворе своего алжирского дяди по матери; тем временем его земляк Джон Джонсон Вестманн, достигнув успеха как корсар, возвратится в Европу и лишится жизни в Копенгагене¹⁰³.

Пожива – вот что притягивало к Алжиру ренегатов почти со всего Средиземноморья. Для безземельных крестьян, лишенных каких-либо перспектив из-за отсталого аграрного производства и феодального строя южноевропейских побережий, корсарство, по выражению Бар-

⁹⁸ Cornelis Pijnacker, *Description historique des villes de Tunis, d'Alger et d'autres se trouvant en Barbarie* (1626), yay. haz. ve çev. Gérard van Krieken (Alger: ENAG, 2015), 104.

⁹⁹ Merouche, *La course: mythes et réalité*, 170.

¹⁰⁰ Simon de Vries, *Historie van Barbaryen, en des zelfs Zee-Roovers. Behelzende een beschrijving van de Koningrijken en Steden Algiers, Tunis, Salé, et Tripoli... Tweede Deel, Bevattende de Handelingen en Geschiedenissen tusschen den Staat der Vereenigde Nederlanden, en die van de Zee-Roovers in Barbaryen, van 't Jaar 1590. tot op 't jaar 1684. met ondermenging van verscheidene Aanmerkelijkhede* (Amsterdam: Jan ten Hoorn, 1684), II. cilt, 97. Я весьма благодарен Мехмету Тютюнджю за то, что он помог мне прочесть этот источник. Также см.: Virginia W. Lunsford, *Piracy and Privateering in the Golden Age Netherlands* (New York: Palgrave MacMillan, 2005), 121.

¹⁰¹ Рус – в османской терминологии в основном применительно к украинцам. – *Прим. пер.*

¹⁰² Samuel Purchas, «Relations of the Christianitie of Africa, and especially of Barbarie, and Algier; written by J. B. Gramaye», Hakluytus Posthumus or Purchas His Pilgrimes Contayning a History of the World in Sea Voyages and Lande Travells by Englishmen and others, Volume IX (Glasgow: James MacLehose and Sons, 1905), 281.

¹⁰³ Sigfús Blöndal, «De Algierske Sôrôveres Tog til Island aar 1627», *Nord og Syd* (Copenhagen) (1898–1899): 207–208. К сожалению, у меня не было возможности добраться до этого источника, указанного в работе Льюиса. Bernard Lewis, «Corsairs in Iceland», *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée* 15–16 (1973), 144.

толоме Беннассара, было трамплином для социального продвижения (*tremplin de la promotion sociale*)¹⁰⁴. Труженики-реаяя¹⁰⁵ благодаря ему могли перейти в военное сословие, свободное от налога, вызывая извечную неприязнь османских интеллектуалов. Не стоит удивляться, что Гелиболулу Мустафа Али, принадлежащий к последним, тоже возмущался этой особенностью корсарства¹⁰⁶.

Корсарство уничтожило традиционную иерархию, перемешало карты¹⁰⁷ и стало Америкой средиземноморского пограничья, которую Эмилио Сола описал в романтическом духе, с интересными метафорами и меткими определениями¹⁰⁸. О ней писали и Фернан Бродель¹⁰⁹, и другие. Антонио Соса, свидетель XVI столетия, говорит о том, что бессмысленно искать лучшей доли в Новом Свете, который где-то там, за тысячи фарсахов; лучше пиратствовать в Алжире – и можно разбогатеть за несколько месяцев. Ведь не напрасно турки называли эти края «наши Перу и Индия» (*sus Indias y Perú*)! Одним словом, Алжир – это Америка Средиземного моря: «На Балканах, в Турции, Анатолии и Сирии только и слышно что об Алжире, точно так же, как мы говорим о португальской и кастильской Индии» (...*allá por toda Turquía, Romania, Anatolia y Suria, hablan todos hablan de Argel, como nosotros acá de las Indias de Castilla y Portugal*)¹¹⁰. Этот порт влек словно магнит, так сильно, что даже во второй половине XVII века, когда корсарство уже понемногу приходило в упадок, во Франции один из чиновников рекомендовал Жан-Батисту Кольберу, министру финансов, запретить экипажам сходить на сушу, если корабли приблизятся к Алжиру; ведь, оказавшись на берегу, провансальцы вместо ночных колпаков сразу же надевают тюрбаны, то есть, ни минуты не колеблясь, превращаются в мусульман¹¹¹.

Отток новых сил в корсарские порты никогда не ослабевал в таких местах, как Корсика, где опорой колониальной рыночной экономики служило сельское хозяйство, ориентированное на экспорт, и где хроническая бедность и экономическая отсталость дополнялись еще и плохим управлением. Когда в 1552 году Кальви сдался османам, многие корсиканцы решили перебраться в Северную Африку вместе с Чифут Синаном и Тургудом¹¹². А ровно через десять лет, едва Сампьеро – легендарный лидер корсиканцев, восставших против Генуи, – прибудет в Алжир, его встретят в порту земляки¹¹³. И солдаты, нищавшие в испанских крепостях (*presidio*) Северной Африки, придут в Алжир и предпочтут голодной смерти обращение в ислам¹¹⁴. При чем вряд ли все они пиратствовали, если учесть, что большинство из них ничего не понимало

¹⁰⁴ Bartolomé Bennassar et Lucile Bennassar, *Les chrétiens d'Allah: l'histoire extraordinaire des renégats, XVIe et XVIIe siècles* (Paris: Perrin, 1989), 372.

¹⁰⁵ Реаяя (осм., араб. «стадо, паства») – сословие с низким социальным статусом, налогоплательщики (крестьяне и горожане). – *Прим. пер.*

¹⁰⁶ Sophia Laiou, «The Levends of the Sea in the Second Half of the 16th century: Some Considerations», *Archivum Ottomanicum* XXIII (2005–2006), 243; Şeker (yay. haz.), *Mevâ'idüin-Nefâis fî-Kavâ'idü'l-Mecâlis*, 288.

¹⁰⁷ Michel Fontenay et Alberto Tenenti, «Course et piraterie de la fin du Moyen-Age au debut du XIXe siècle», *Course et piraterie: Etudes présentées à la Commission Internationale d'Histoire Maritime à l'occasion de son XVe Congrès International des Sciences historiques* (San Francisco, août 1975) (Paris: Éditions du centre national de la recherche scientifique, 1975), I. cilt, 114.

¹⁰⁸ Emilio Sola, *Los que van y vienen: Información y fronteras en el Mediterráneo clasico del siglo XVI* (Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 2005); a.g.y., *La Conjura de Campanella* (Madrid: Turpin Editores, 2007); a.g.y., Uchalí.

¹⁰⁹ Согласно Броделю, здесь – «*monde américain*» (фр. *американский мир*). *La Méditerranée*, II. cilt, 195.

¹¹⁰ Haedo, *Topografía*, II. cilt, 88.

¹¹¹ BNF, *Manuscrits français N.A. 9337*, 17 Ağustos 1667; Marcel Emerit, «L'essai d'une marine marchande barbaresque aux XVIIIe siècle», *Les cahiers de Tunisie: Revue des sciences humaines* 3 (1955): 363; Peter Earle, *Corsairs of Malta and Barbary* (London: Sidgwick & Johnson, 1970); Belhamissi, *Histoire de la marine algérienne*, 31.

¹¹² BNF, *Manuscrits français N.A. 9337*, 17 Ağustos 1667; Marcel Emerit, «L'essai d'une marine marchande barbaresque aux XVIIIe siècle», *Les cahiers de Tunisie: Revue des sciences humaines* 3 (1955): 363; Peter Earle, *Corsairs of Malta and Barbary* (London: Sidgwick & Johnson, 1970); Belhamissi, *Histoire de la marine algérienne*, 31.

¹¹³ ASG, *Sezione Segreta*, n.g., 5 Temmuz 1563; k. Braudel, *La Méditerranée*, I. cilt, 145.

¹¹⁴ Beatriz Alonso Acero, *Sultanes de Berbería en tierras de la cristiandad: Exilio musulmán, conversión y asimilación en la Monarquía hispánica [siglos XVI y XVII]* (Barcelona: Edicions Bellaterra, 2006), 154–164.

в морском деле. Интересно другое: среди мусульманских корсаров находились перебежчики даже с Мальты, базы их главных врагов – рыцарей-госпитальеров. Так, в начале XVII века перед нами появляется некий «дерья-бейи»¹¹⁵ по имени «Мустафа-бек»¹¹⁶, известный как сын Сендживана»¹¹⁷ (его другое имя – Сендживанзаде¹¹⁸). Упомянутый «Сан Дживан» – не кто иной, как Сен-Жан, или же Сан-Джованни (если сказать по-итальянски, а не так, как привыкли османы). Даниэль Панзак также вышел на след еще одного мальтийского ренегата, причем в XIX веке, когда доля мюхтэди среди корсаров резко снизилась! С 1798 по 1816 год один из сорока восьми алжирских рейсов оказался мальтийцем¹¹⁹.

Мы привели примеры из Алжира, где их всегда удавалось лучше задокументировать, хотя ситуация особо не отличалась ни в Тунисе¹²⁰, который с 1574 года считался значимой корсарской столицей, ни в иных портах, зависимых от двух городов. Ренегатов везде было много. Даже в далеком от берегов Западного Средиземноморья и не особенно большом пиратском порту Триполи мы найдем французов и фламандцев – пусть даже это одиночки [см. табл. 3, 4].

Таблица 3

Капитаны парусных судов в Триполи (1677 г.)

	Имя	Происхождение	Регион
1	Менефшели Али (Haly Menexely)	Турок, капитан	Пелопоннес
2	Мустафа Чикюэтто	Грек, мюхтэди	Парос (Paros)
3	Меми-реис	Грек, мюхтэди	Калимнос
4	Кара Вели	Турок	Измир
5	Кара Хамид	Грек, мюхтэди	
6	Узун (Usum) Ибрагим	Турок	Анатолия
7	Мурад	Фламандец, мюхтэди	
8	Иваз Реис	Грек, мюхтэди	
9	Дели Мехмед	Турок	
10	Мехмед Джербин	Грек, мюхтэди	Парос
Всего: 4 турка, 5 греков-мюхтэди, 1 фламандец			
Источник: Anonim, <i>Histoire chronologique du royaume de Tripoly de Barbarie</i> , vr. 52 г.			

¹¹⁵ Дерья-бейи (осм.) – от перс. «дерья» море и тур. «бей» – господин. Титул военно-морских командиров и приморских санджак-беев. Санджак-бей – глава санджака, территориально-административной единицы, входившей в состав эялета – крупнейшей в структуре Османской империи.

¹¹⁶ Бег, бей (тур.) – господин. Титул османской знати, сыновей паши, военачальников и т. п.

¹¹⁷ Sarı Abdullah Efendi, *Gazâname-i Halîl Paşa*, yay. haz. Meltem Aydın (Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2017), fol. 249a, s. 647.

¹¹⁸ Перс., осм. «заде» – сын.

¹¹⁹ Daniel Panzac, *Barbary Corsairs: The End of a Legend, 1800–1820*, çev. Victoria Hobson (Leiden and Boston: Brill, 2005), 62.

¹²⁰ Paul Sebag, *Tunis au XVIIIe siècle: une cité barbaresque au temps de la course* (Paris: L'Harmattan, 1989), 92.

Таблица 4

Флотские рейсы Триполи. 2 августа 1699 г.

	Имя	Происхождение
1	Али-реис	Турок
2	Мустафа-реис	Грек, мюхтэди
3	Кара Вели	Турок
4	Узун (<i>Wozoon</i>) Ибрагим	Турок
5	Иваз-реис	Грек, мюхтэди
6	Кючюк (<i>Малый</i>) Иваз-реис	Грек, мюхтэди
7	Мехмед-реис	Турок
8	Рыдван-реис	Француз, мюхтэди
9	Хасан-реис	Грек, мюхтэди
10	Кьоледжи Хюсейин-реис (<i>Usine Rais Colaigee</i>)	Турок
11	Омер-реис (<i>Aumar</i>)	Мудехар
12	Мехмед-реис	Турок
13	Мехмед-реис	Турок
Всего: 7 турок, 4 грека-мюхтэди, 1 француз-мюхтэди, 1 мудехар		
Источник: Pennell (yay. haz.), <i>Journal of Tomas Baker</i> , 106.		

Словом, если недоволен судьбой – беги в Новый мусульманский мир, стань моряком и набирай тысячи рабов с христианских берегов! Корсарство неумолимо превращало магрибские порты – и прежде всего Алжир – в ренегатский край. В прошлом историки, такие как Фонтене и Тененти, называли алжирское общество «кратким отпечатком социума эпохи» (*un abrégé de toute la société du temps*)¹²¹. Побывавший в алжирском плену Антонио Соса рассказывал, что все ренегаты прибывают туда из пятидесяти двух разных стран, включая Бразилию, Новую Испанию (все испанские земли, что на севере от Панамского канала), Эфиопию (Хабашистан) и Индию. Напоследок он делает заключение: «...В мире нет такой христианской нации, выходец из которой не ренегатствовал бы в Алжире»¹²². Опять-таки, согласно Сосе, в конце XVI столетия новообращенных мусульман там было намного больше, чем турок и мудехаров¹²³. Затем, в 1630-х годах, Пьер Дан указывает число ренегатов в городе – 9500 человек¹²⁴. Согласно Роберту Дэвису, это означает, что свободное население Алжира составляло восьмую часть всех его обитателей¹²⁵.

¹²¹ Fontenay et Tenenti, «Course et piraterie», 114.

¹²² Haedo, *Topografía*, I. cilt, 52–53.

¹²³ Haedo, *Topografía*, I. cilt, 79.

¹²⁴ Pierre Dan, *Histoire de Barbarie*, 341.

¹²⁵ Robert C. Davis, *Christian Slaves, Muslim Masters: White Slavery in the Mediterranean, the Barbary Coast and Italy, 1500–1800* (New York: Palgrave Macmillan, 2003), 21.

Кроме того, свободные горожане не только пиратствовали и служили моряками. Много мюхтэди было и в сухопутных войсках, причем и среди обладателей наивысших званий. В 1581 году двенадцать из двадцати трех каидов¹²⁶ Алжира были ренегатами¹²⁷. Мусульмане-неофиты достигли высших званий и в янычарских полках. В 1628 году из тринадцати ротных командиров, назначенных диваном (высший совет Османской империи, состоящий из визирей) охранять Тунис, было двенадцать мюхтэди¹²⁸. А разве не ренегатом-корсиканцем был Мурад-бей? (См. раздел 12.) Возглавляя военные подразделения, ответственные за сбор налогов в провинциях вилайета, он с их помощью захватил власть и основал свою династию.

С конца XVII века доля мюхтэди среди корсаров постепенно снижается. Вот данные Колина Хейвуда: на 1694 год в Алжире шесть из двенадцати реисов, о которых удалось найти сведения, были турками, три – потомками янычаров, один – мудехаром, и всего два – ренегатами. В 1698 году последних насчитывалось пятеро – против уже семи турок, шести кулоглу, одного мудехара и выходца из Триполи. А в 1712 году на пять турок и три кулоглу приходилось и того меньше – только два новообращенных мусульманина¹²⁹. В 1788 году уже все алжирские капитаны были турками и албанцами, за исключением одного мюхтэди из евреев; северяне, а также все средиземноморские мюхтэди полностью исчезают. Впрочем, не стоит удивляться, ведь в ту пору флоты европейских государств – прежде всего Франции и Англии – пытаются навести порядок в Средиземном море, а замена гребных кораблей на парусники уменьшает потребность в рабах, и все это делает корсарство менее прибыльным, чем когда-то. Поэтому, с одной стороны, в Алжир с Востока приходит больше турок, албанцев и даже выходцев из янычаров, с другой – представители местного населения впервые появляются среди реисов¹³⁰. Похоже, и другие корсарские порты постепенно переходили в руки мусульман¹³¹.

Иудеи

Не должна остаться без внимания и еще одна группа корсаров, пусть даже весьма немногочисленная. В сущности, пираты особо не обращали внимания на то, как евреи пополняют их ряды, хотя мюхтэди из иудеев, несомненно, придерживались маликитского, а не ханафитского мазхаба¹³²¹³³.

Тем не менее большинство из них отрекалось от прежней веры. Чифут Синан-реис – самый знаменитый из отступников. Лопес де Гомара – севильский историк, известный автор книги *La Historia General de las Indias* (исп. «Всеобщая история Индий») – утверждает, что «Чифутом» (османотур., перс. «еврей») Синан-реис стал не оттого, что был иудеем. Беспощадного корсара когда-то нарекли так потому, что он испугался христиан и убежал от них.

¹²⁶ Слово «каид», означающее в арабском языке командира, употреблялось в Магрибе применительно к санджак-беям.

¹²⁷ Из остальных одиннадцати каидов семь были турками, по два – мудехарами и кулоглу. Haedo, *Topografía*, I. cilt, 58.

¹²⁸ Robert C. Davis, *Christian Slaves, Muslim Masters: White Slavery in the Mediterranean, the Barbary Coast and Italy, 1500–1800* (New York: Palgrave Macmillan, 2003), 21.

¹²⁹ Colin Heywood, «What's in a Name?: Some Algerine Fleet Lists (1686–1714) from British Libraries and Archives», *Maghreb Review* XXXI/1-2 (2006), 111. См. также перечень на с. 123–124; если сравнить его с табл. 3, где говорится о шести турках и семи кулоглу (Хейвуд указывает 1698 год), нетрудно заметить, что числа поменялись местами и реисов-турок стало на одного больше по сравнению с кулоглу.

¹³⁰ *Venture du Paradis, Alger au XVIIIe siècle*, yay. haz. E. Pagnan (Alger: Adolphe Jourdan, 1898), 45, 47. Одновременно вы можете ознакомиться с таблицами раздела 4 нашей книги, которую держите в руках.

¹³¹ Для Сале см. Sela Coindreau, *Les corsaires de Salé*, 91–93. По подсчетам Панзака, с 1750 по 1770 год в Триполи всего 9,5 % реисов были ренегатами; этот показатель стал еще меньше в начале XIX века. Panzac, *Barbary Corsairs*, 63. Таблицы из раздела 4 тоже освещают эту тему.

¹³² Мазхаб (араб.) – богословско-правовая школа в исламе. Ханафитский – самый распространенный из четырех главных мазхабов суннизма (основной ветви ислама наряду с шиизмом). Название происходит от имени основателя – Абу Ханифы.

¹³³ Albert Devoulx, *Le Raïs Hamidou: Notice biographique sur le plus célèbre corsaire algérien du XIIIe siècle de l'hégire* (Alger: Adolphe Jourdan, 1859), 21.

Наряду с этим редактор, впервые готовивший произведение Гомары к печати в 1853 году, предлагает иную версию событий, взятую из других источников эпохи: согласно ей, Синан-реис взял себе прозвище «Чифут», так как увлеклся астрологией¹³⁴. Но что касается современных историков, то им эта версия либо не нравится, либо же они просто не обращают на нее внимания. Гульельмотти, корифей среди знатоков истории Средиземного моря, признал Синана иудеем¹³⁵, и Сальваторе Боно, предводитель исследователей корсарства, не замедлил последовать за ним¹³⁶.

Но даже если мы и признаем, что Синан-реис не был евреем, источники дают нам другие примеры. Возвратившись к таблице 1, мы вдруг обнаружим некоего ренегата из иудеев по имени Кади Мехмед (вариант имени Мухаммед). И даже еще позже, в 1788 году, вторым капуданом алжирского флота был еврей-мюхтэди по имени Хаджи Мухаммед эль-Ислами¹³⁷. Несомненно, оба Мухаммеда были из мюхтэди. Но обратился ли в ислам корсар с иудейским прозвищем (*le Juif*), чье имя упоминается среди тех, кто в 1676 году приплыл в Алжир с пустыми руками?¹³⁸ Нам известен лишь один случай, когда иудей, выходец из Средиземноморья, не изменил своей вере. Как гласит приказ, отправленный в 1572 году из Стамбула бею Ментеше¹³⁹ Газанферу, назначенному охранять Родос, двадцать четыре христианина, добровольно ушедших гребцами к врагу (враг их не принял), были пойманы и сосланы к иудею Симону на кальетэ. Корабль Симон построил именно тогда, на острове, на собственные деньги¹⁴⁰. Стало быть, наш иудей не занимался торговлей: гребцов ему на кальетэ предоставило государство, и Стамбул был заинтересован в этом деле. Кроме того, постройка кальетэ вместо мавны или галеры свидетельствует, что Симон был корсаром. Хотя снова напомним: эти два приказа, прописанные в отдельных параграфах, не указывают на связь Симона с Западным Средиземноморьем. Из этого можно сделать еще один вывод. Датировка стамбульского распоряжения напоминает, что оно выдано через год после того, как османы потеряли почти все свои военные корабли в морском сражении при Лепанто (в османских источниках – «Бой разбитого флота»). Но теперь мы понимаем и то, что оказавшийся в затруднении Стамбул без колебаний проявлял прагматичную терпимость, как и гази, уверенно пополнявшие свои ряды христианами в начале XVII столетия.

Не следует удивляться и тому, что иудеи предстают перед нашим взором как кораблестроители¹⁴¹. Прежде всего они шли на военную службу, пусть даже и обратились в ислам. Это еще раз свидетельствует, насколько исключительным было пограничье Северной Африки. И это характерно не только для корсаров; среди каидов (беев, командиров) Алжира наряду с турками, мюхтэди и мудехарами тоже встречаются евреи¹⁴². По крайней мере до 1580 года им удавалось даже вступать в оджак янычаров¹⁴³. В 1492 году евреев выгнали из Испании, в

¹³⁴ Francisco López de Gomara, *Crónica de los Barbarrojas, Memorial histórico español: Colección de documentos, opúsculos y antigüedades que publica la real Academia de la Historia* (Madrid: la Real Academia de la Historia, 1853), VI. cilt, s. 388–389, dn. 1.

¹³⁵ P. Alberto Guglielmotti, *La guerra dei pirati e la marina pontificia dal 1500 al 1560* (Firenze: Successori Le Monnier, 1876), II. cilt, 123–124.

¹³⁶ Salvatore Bono, *Schiavi musulmani nell'Italia moderna: galeotti vu' cumprà, domestici* (Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1999), 296–297.

¹³⁷ Albert Devoulx, *Le registre des prises maritimes: traduction d'un document authentique et inédit concernant le partage des captures amenées par les corsaires algériens* (Alger: Alphonse Jourdan, 1872), 22–23, 24, 27, 28, 33, 36, 45, 46, 52, 54, 55, 56; a.g.y., Le Raïs Hamidou, 22; Du Paradis, *Alger au XVIIIe siècle*, 47.

¹³⁸ G. H.-Bousquet and G. W. Bousquet-Mirandolle, «Tomas Hees, Journal d'un voyage à Alger (1675–1676)», *Revue Africaine* 101 (1957), 127.

¹³⁹ Ментеше – азиатский бейлик со столицей в Милясе, на юго-западе Анатолии. – Прим. пер.

¹⁴⁰ BOA, MD XIX, no. 159, 344 (19 сафара 980/30 июня 1572).

¹⁴¹ Du Paradis, *Alger au XVIIIe siècle*, 40; H. D. de Grammont, *Correspondance des consuls d'Alger (1690–1742)* (Alger: Adolphe Jourdan, 1890), 137.

¹⁴² Haedo, *Topografía*, I. cilt, 58.

¹⁴³ Pierre Boyer, «Le problème Kouloughli dans la régence d'Alger», *Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée* 8

1497 – из Португалии; если вспомнить, что испанская инквизиция не оставила в покое даже крещеных иудеев, еще труднее не одобрить алжирского гостеприимства.

Христианские гази

Наше уникальное пограничье разрушает всю монотонную риторику о священной войне за веру, которую сильные государства и их безразличные элиты преподносят нам в выверенных литературных формах и в понятиях, неотделимых от политики. Безусловно, люди на границе выживали благодаря своим способностям, а не положению в обществе. Хаос средиземноморского Дикого Запада рушит исторические стереотипы. Среди воинствующих корсаров встречаются не только ренегаты с иудеями, но и кафиры, которые упорно держатся христианской веры. Примеры можно найти еще в начале XVII в., когда на парусниках требовались искусные моряки с Севера. Скажем, один из них – голландец Клэс Герритсзон Компен, поселившийся в Африке после того, как достиг успеха, умело балансируя между героизмом и предательством, корсарством и морским грабежом¹⁴⁴. Однако наиболее известная тройка из упомянутых пиратов-христиан – голландцы Симон Дансекер и Ян Янсон, а также англичанин Джон Уорд. Здесь уместно рассказать о них немного подробнее. Дансекер, уроженец Флисинга, в 1604 году, сразу же после заключения мира между Испанией и Англией, осел на юге Франции в порту Марселя, где женился и обзавелся семьей¹⁴⁵. Но дух его не знал покоя, и в 1606 году Дансекер похитил из порта корабль, чтобы, выйдя в море, охотиться на христианские суда. Когда же он на одном из захваченных кораблей скрылся в портах Северной Африки, там никто даже не поинтересовался, откуда он прибыл. В ответ на такое великодушие гази Дансекер научил их управлять парусными судами. Похоже, корсарство голландца, которым он промышлял в Тунисе с Алжиром, было весьма прибыльным. Как рассказывал небезразличный к сплетням английский путешественник Томас Батлер, Дансекер в общей сложности захватил двадцать девять английских, французских и фламандских кораблей¹⁴⁶. Он прославился как сумасшедший капитан¹⁴⁷, или же *capitaine diable* (фр. «чертов капитан»)¹⁴⁸. По описанию Пьера Дана, шальной корсар всего за несколько лет захватил сорок судов. Причем, вопреки некоторым утверждениям¹⁴⁹, он явно не обращался в ислам, как бы ни убеждали алжирцы¹⁵⁰. И через несколько лет, едва Генрих IV даровал Дансекеру прощение, тот, тайком уйдя из порта, возвратился в Марсель. Две бронзовые пушки, которые он захватил с собой, постоянно мешали ему в пути¹⁵¹. И все же Дансекер повстречает свою беду в Тунисе. Поддавшись увещаниям короля Людовика XIII и марсельских торговцев, бывший пират решил прервать отдых ради особой дипломатической миссии. В 1615 году он прибыл в Тунис, чтобы путем переговоров освободить французов, плененных

(1970), 81.

¹⁴⁴ Lunsford, *Piracy and Privateering*, 2.

¹⁴⁵ Некоторые историки утверждают, что корсар женился на дочери марсельского губернатора, но я все же в этом сомневаюсь. Крайне маловероятно, чтобы прибывший из Голландии пират сумел заключить брак с дочерью аристократа.

¹⁴⁶ Tinniswood, *Pirates of Barbary*, 52.

¹⁴⁷ H. D. de Grammont, «Relations entre la France et la régence d'Alger au XVIIe siècle. Première partie: Les deux canons de Simon Dansa (1616–1628)», *Revue africaine* 23 (1879), 9.

¹⁴⁸ Dan, *Histoire de Barbarie*, 274.

¹⁴⁹ E. Pellissier et Rémusat (yay. haz. ve çev.), *Histoire de l'Afrique de Moh'ammedben-abi-el-Raïni-el-K'aïrouâni* (Paris: Imprimerie royale, 1845), 346. В книге написано, что два реиса некоторое время пиратствовали как христиане, но потом обратились в ислам. Но это неправда. Собственно, и редакторы, подготовившие произведение к печати, посчитали уместным рассказать в сноске о тунисских христианах, упоминаемых в работах Франсуа Савари де Брева, и добавить, что капитан по имени Фуке в своем письме предоставил королю Людовику XIII подробные сведения о двух голландцах-пиратах. Согласно Полю Себагу, мусульманское имя Дансекера звучало как Али Реис. Sebag, *Tunis au XVIIe siècle*, 92.

¹⁵⁰ Bennassar et Bennassar, *Les chrétiens d'Allah*, 386; De Grammont, «Les deux canons de Simon Dansa», 10; Merouche, *La course: mythes et réalité*, 194.

¹⁵¹ Об этом см.: De Grammont, «Les deux canons de Simon Dansa.»

«вопреки ахиднаме»¹⁵². Дансекера тепло встретили, но как только он имел неосторожность сойти на берег, его мгновенно схватили и казнили¹⁵³. Великий корсар – и какая нелепая смерть!

Англичанин Джон Уорд – еще один известный пират-протестант. Как и Дансекер, он ушел в порты Северной Африки, когда кончилась война с Испанией. В 1604 году, прибыв в Алжир, Уорд, английский моряк, согласился взять на свой корабль янычаров – для гарантии возврата долгов. Так он свел на одной палубе мусульманских гази и «проклятых неверных»¹⁵⁴. Со временем Уорд отправится в Тунис, где убедит дея Османа назначить его реисом. Первые годы корсар не принимал ислам, и лишь потеряв почти все шансы на возвращение в Англию, перешел рубикон, став мусульманином по имени Юсуф-реис.

История третьего известного пирата, Яна Янсона, во многом похожа на историю Уорда. В 1618 году, покинув северные воды, голландец прибыл в Алжир, где ему вначале удавалось оставаться христианином. Как и англичанин, Янсон добился от алжирских властей разрешения на пиратство, в обмен набрав янычаров к себе на корабль. Но как Уорд отправился в Тунис, так и Янсон поплывет в Сале, где, встав на путь ислама вместе с экипажем, возьмет себе имя, став «Малым» Мурадом-реисом, и как капудан флота Сале много лет будет продолжать свою деятельность в этих водах до Алжира.

Между тем речь идет не только о реисах; и у османских корсаров в экипажах были христианские моряки. Примеры, которыми мы располагаем, вновь относятся к первым годам появления парусных судов, то есть к периоду, когда опыт северных моряков требовался сильнее всего. Мы уже упоминали, что в экипаже Джона Уорда вместе с мусульманами было и много свободных христиан. Команда флибота¹⁵⁵ *Gift* («Подарок») состояла из шестидесяти семи христиан и двадцати восьми турок; причем последние, вероятнее всего, были солдатами. Что еще интереснее – наряду с англичанами и голландцами на корабле находились испанцы; значит, на судне несли службу и мусульмане, и католики, и протестанты¹⁵⁶. Похожая ситуация сложилась и в команде Симона Дансекера; наряду с англичанами и голландцами в его экипаж входили турки¹⁵⁷. В свою очередь английские ренегаты Джон Гудейл и Генри Чандлер (Рамазан), начав пиратствовать, взяли к себе в команду не только мусульман (турок и мавров, в общем шестьдесят три человека), но и девятирех рабов-англичан и четверых свободных голландцев¹⁵⁸. Смешанные экипажи явно стали обычным явлением, ведь они настолько беспокоили французского посла, что тот получил от шейх-уль-ислама Мехмеда бин Саадеддина возбраняющую фетву¹⁵⁹. Вместе с этим весьма наивно думать, будто бы распространение смешанных экипажей ограничивалось только западом Средиземного моря, когда северные торговцы с корсарами момен-

¹⁵² Тиннисвуд правильно исправляет дату события, указанную Литгоу как 1616 год, на 1615-й. Tinniswood, *Pirates of Barbary*, 311, dn. 28.

¹⁵³ William Lithgow, *Travels and Voyages, through Europe, Asia, and Africa for Nineteen Years. Containing An Account of the Religion, Government, Policy, Laws, Customs, Trade, &c of the several countries through which the Author travelled; and a Description of Jerusalem, and many other remarkable places mentioned in Sacred and Profane History: Also A Narrative of the tortures he suffered in Spanish Inquisition, and of his miraculous delivrance from those cruelties* (Edinburgh: A. Murray and J. Cochran, 1770, 11th edition), 352–354.

¹⁵⁴ Bak, *Barbary Pirate*, 54–55.

¹⁵⁵ Флибот: голланд. *vlieboot*, англ. *flyboat*. Парусник с ровным дном, который голландцы усовершенствовали, чтобы передвигаться по мелководью, особенно в проливе Влистром. Эти торговые суда с водоизмещением от 70 до 180 тонн (их строили в разных размерах) также служили в военных и пиратских целях.

¹⁵⁶ Bak, *John Ward*, 92.

¹⁵⁷ Merouche, *La course: mythes et réalité*, 194.

¹⁵⁸ John Rawlins, «Te Famous and Wonderful Recovery of a Ship of Bristol, Called the Exchange from the Turkish Pirates of Argier (1622)», *Piracy, Slavery and Redemption, Barbary Captivity Narratives from Early Modern England*, yay. haz. Daniel J. Vitkus (New York: Columbia University Press, 2001), 105.

¹⁵⁹ BNF, *Manuscripts turcs* 130, fol. 29v. С транслитерированным латиницей текстом фетвы можно ознакомиться в кн.: Viorel Panaite, «A Legal Opinion on Western Piracy in the Ottoman Empire about the Late-Sixteenth and Early-Seventeenth Centuries», *Révue des études sudest européennes XLVII/1-4* (2009), 172–173.

тально заняли его целиком. Как-то раз венецианцам, бороздившим соленые воды между островами Китира и Сапындза, попал в руки буртун водоизмещением 800 бот¹⁶⁰ – на нем оказалось целых 70 английских моряков и «только» 120 турецких янычаров¹⁶¹.

Местное и национальное корсарство?

Наконец, мы должны добавить, что в городах вроде Алжира и Сале среди корсаров не было местных. Все изменится только в XVIII веке, когда сократятся пиратские доходы, а стремительно развивающиеся государства Нового времени приложат все усилия для наведения порядка в Средиземном море. Именно уменьшение прибыли и увеличение рисков неуклонно вело к истощению «страны возможностей». Согласно Панзаку, на исходе столетия почти все рейсы в Алжире попали туда с османских, прежде всего магрибских берегов¹⁶².

Но отчего в золотой век корсарства к этому занятию не допускали местное население – и как именно претворялся в жизнь этот запрет? Роджер Куиндро склонен считать, что пиратам вряд ли стоило ожидать пополнения от жителей Сале. Обитателям богатых долин к западу от Феса было совершенно незачем рисковать жизнью в суровых водах Атлантики, пусть даже они и промышляли рыбной ловлей у берегов океана, не выходя в открытые воды¹⁶³.

Если же вести речь о средиземноморских портах, то объяснить безучастность местного населения еще легче. Скудость рыбной ловли сокращала количество моряков, которых кормил берег; в XVII веке с появлением парусных судов здешние немногочисленные мореходы даже не смогли соперничать с северянами. Это касалось не только корсаров-осман. Например, в конце XVII века мальтийский флот всего на 10 % состоял из островитян – остальные пришли со всего Средиземного моря¹⁶⁴. Как и множество обитателей средиземноморских островов, мальтийцы были недалекими и осторожными селянами, и избегали синих вод, чтобы не разгневать бога Посейдона.

В то же время в Алжире действовал еще один фактор. Столицей корсарства управляли иностранцы – чужаки. Причем принцип руководства – не пускать местных – был настолько важен, что янычарам не позволяли отдавать детей в свои же войска, лишь бы местные элиты не воспроизвели себя самих. За соблюдением запрета, принципиального и для иных институтов вроде мамлюков или девширме¹⁶⁵, в Алжире следили весьма сурово: в 1629 году «кулогуллары» даже поднимут из-за него кровавый, хотя и безуспешный мятеж¹⁶⁶.

¹⁶⁰ Бота (итал. *botta*, англ. *butt*) – мера, равная в среднем 0,725 тонны. Alberto Tenenti, *Piracy and the Decline of Venice, 1580–1615*; Janet and Brian Pullan (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967), 153. О проблемах, связанных с точным расчетом бот, см.: Frederic Chapin Lane, *Venetian Ships and Shipbuilders of the Renaissance* (Baltimore: Te Johns Hopkins Press, 1934), 246–249.

¹⁶¹ Tenenti, *Piracy and the Decline of Venice*, 129.

¹⁶² Panzac, *Barbary Corsairs*, 64.

¹⁶³ Coindreau, *Les corsaires de Salé*, 59, 61.

¹⁶⁴ Michel Fontenay, «Le corso dans l'économie portuaire: l'exemple de Malte et des ports barbaresques», *I porti come impresa economica: atti della «Diciannovesima settimana di studi»*, 2–6 Maggio 1987, yay. haz. Simonetta Cavaciocchi (Firenze: Le Monnier, 1988), 1321–1347. Повторное издание: Michel Fontenay, *La Méditerranée entre la Croix et le Croissant: Navigation, commerce, course et piraterie (XVIe-XIXe siècle)* (Paris: Garnier, 2010), 285.

¹⁶⁵ Девширме – 1) система набора детей из христианского населения для их исламизации, затем – службы в армии, в администрации империи и во дворце падишаха как его личных рабов; 2) ребенок, юноша или взрослый, ставшие заложниками системы девширме. – Прим. пер.

¹⁶⁶ Несмотря на то что потом мятежников приняли в оджак, им не позволили занимать в нем важные посты вроде дея (здесь – глава корпуса), аги, хазинеджи (казначей) или векильхарджа (ответственный за провиант), а также возглавлять подразделения больше роты. Между тем местные связи обеспечили кулогуллары должности командиров (беев) отрядов, собиравших налоги с бедуинских племен. Об их борьбе с янычарами вплоть до 1817 года см.: Boyer, «Le problème Kouluoghli.» Здесь важны замечания Тал Шувала; он расценивает как идеологическое преимущество то, что янычары в Алжире не смешивались с коренным населением в XVIII веке, когда их собратья обосновались в остальных османских эялетах. «Te Ottoman Algerian Elite and Its Ideology», *International Journal of Middle East Studies* 32 (2000): 323–344.

Итак, коренное население Алжира не допускали к власти, и вилайетом управляли чужаки-«технократы» (пускай это и анахронизм). Мы уже рассказывали о том, какие препятствия чинили мудехарам; так и местным запрещалось пиратствовать: руководство вилайета поддерживало монополию на те сферы, которыми владело по праву. Ведь сколько бы ни управляли янычары Алжиром наравне с реисами, местные все равно считали, что для власти чужестранцев есть только одно законное основание – корсарство. В 1516 году алжирцы именно поэтому пригласили к себе пиратов, и если потом подчинялись им, то только благодаря продовольствию, рабам и обильным трофеям, – всему, что захватывали морские добытчики вместе с чужими кораблями. И санкция Стамбула – второго источника «законности» чужаков – также зависела от успеха корсарских набегов. Вероятнее всего, сам османский султан проявлял интерес к далекому и бедному Алжиру лишь потому, что пираты обеспечивали поддержку его флоту. Разве не они дважды воскрешали османский флот из пепла? Ясно как божий день, что не было никакого смысла делить эти привилегированные отношения с коренным населением.

Но XVII столетие уходило – и с ним уходил золотой век корсарства. По списку реисов на закате этой эпохи можно проследить, как запрет на допуск местных давал трещину. Флоты центральных держав становились все сильнее благодаря сложной логистике – и непрерывно бомбили порты, не позволяя корсарам даже немного отдохнуть. Естественно, магрибское пиратство «открылось» и для местных, делаясь все менее прибыльным и все более опасным. Как свидетельствуют таблицы раздела 4, к концу века доля мюхтэди, нападавших на пиратские порты ради разбоя, уменьшилась, а кулогуллары становилось все больше. Количество турок-реисов из этой группы невероятно возросло (а ведь им до сих пор воспрещалось и пиратствовать, и состоять на государственной службе из-за связей с местными). Не говорит ли это о том, что корсарство сделало Алжир центром притяжения в Средиземном море?

Как видно, если назвать пиратов «османскими», мы затеним пестрое разнообразие. В этом разделе мы распределяли корсаров согласно религии и этнике, ведь их состав постоянно менялся в зависимости от международной дипломатии и от развития военного дела и торговли. И цель раздела – привлечь внимание к поразительному космополитизму Северной Африки в эпоху, когда империи сражались в священной войне, когда религиозные и конфессиональные различия играли решающую роль в построении идентичности, когда все яснее проступала грань между ересью и правоверием и когда общество строго контролировало религиозные отношения. Впрочем, упомянутый космополитизм не дает повода игнорировать религиозную составляющую пиратства. Да и некоторые историки, разделяя корсаров на карибских (англ. *privateer*) и средиземноморских (англ. *corsair* / фр. *corsaire*), отстаивают идею религиозного этоса как движущей силы последних. В таком случае во втором разделе нам предстоит рассмотреть вопрос: сражались ли за веру османские корсары-гази?

Раздел 2

Газа

И в старинных источниках, и в современных работах, посвященных той же теме, пираты характеризуются как газы, а иногда – как моджахеды. В этом разделе мы обсудим, насколько уместно объяснять деятельность османских корсаров в рамках термина «газа», понятных лишь жителям Турции.

Собственно, газа – понятие, не ограниченное лишь корсарством; оно почти столь же древнее, как и османская историография. «Газа-тезис»¹⁶⁷, который в 1938 году выдвинул Пауль Виттек, изучая образование Османского государства, вскоре стал одной из самых важных парадигм османской истории и породил множество академических дискуссий¹⁶⁸. С одной стороны, часть османистов рассматривает «этос газы» как одну из важнейших сил, побуждавших бейлик¹⁶⁹ расширяться на Балканах. Тем временем другие исследователи обращают внимание на космополитическую и неортодоксальную структуру раннего османского общества. Большинство статей и книг, связанных с этой дискуссией, написаны вовсе не на турецком языке – яркое свидетельство того, что теорию газы, ставшую главенствующей парадигмой в Турции, особо никто и не понял. Упорное подчеркивание роли этоса в турецких источниках и представление о «джихаде», возобновленное на закате Османской империи, еще сильнее закрепили господство «парадигмы газы» в Турции.

Довольно легко обнаружить сходство ранних османских налетчиков и османо-византийского пограничья с корсарами XVI века и другим пограничьем, османо-габсбургским. В обоих случаях группа воинов из поликультурного общества провозглашает себя священными борцами за ислам и вступает в борьбу с империей «неверных» – врагом Османской империи, – причем историки спокойно приписывают такой борьбе священность. Кстати, следы превалирующей парадигмы легко можно встретить и в малочисленных произведениях, посвященных раннему османскому мореплаванию и корсарству¹⁷⁰.

¹⁶⁷ Paul Wittek, *The Rise of the Ottoman Empire* (London: Royal Asiatic Society, 1938).

¹⁶⁸ Fuad Köprülü, *Les origines de l'empire ottoman* (Paris: E. de Boccard, 1935); George Georgiades Arnakis, *Hoi protoi othomanoi* (Athens, 1947); Speros Vryonis Jr., *The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century* (Berkeley: University of California Press, 1971); Ernst Werner, *Die Geburt einer Grossmacht – Die Osmanen (1300–1481): Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus* (Berlin: Akademie-Verlag, 1966); Halil İnalcık, «The Question of the Emergence of the Ottoman State», *International Journal of Turkish Studies* 2 (1980): 71–79; G. Káldy-Nagy, «The Holy War (jihād) in the First Centuries of the Ottoman Empire», *Harvard Ukrainian Studies* 3/4 (1979–1980): 467–473; Rudi Paul Lindner, *Nomads and the Ottomans in Medieval Anatolia* (Bloomington: Indiana University Press, 1983); Pál Fodor, «Ahmedî's Dâstân as a Source of Early Ottoman History», *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 38 (1984): 41–54; R. C. Jennings, «Some Thoughts on the Gazi Tesis», *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 76 (1986): 151–161; Colin Heywood, «Wittek and the Austrian Tradition», *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* (1988): 7–25; a.g.y., «Boundless Dreams of the Levant: Paul Wittek, the George-'Kreis', and the Writing of Ottoman History», *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland* (1989): 32–50; Colin Imber, «Paul Wittek's 'De la défaite d'Ankara à la prise de Constantinople'», *Journal of Ottoman Studies* 5 (1986): 65–81; a.g.y., «The Ottoman Dynastic Myth», *Turcica* 19 (1987): 7–27; a.g.y., «The Legend of Osman Gazi», *The Ottoman Emirate (1300–1389): A Symposium Held in Rethymnon, 11–13 January 1991*, yay. haz. Elizabeth Zachariadou (Rethymnon: Crete University Press, 1993), 67–76; Şinasi Tekin, «Türk Dünyasında Gaza ve Cihad Kavramları Üzerinde Düşünceler», *Tarih ve Toplum* 109 (1993): 9–18, 110 (1993): 73–80; Cemal Kafadar, *Between Two Worlds: The Construction of the Ottoman State* (Berkeley: University of California Press, 1995); Feridun Emecen, «Gâzâya Dair: XIV. Yüzyıl Kaynakları Arasında Bir Gezinti», Prof. Dr. Hakkı Dursun Yıldız Armağanı (Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1995): 191–197; Colin Imber, «Cemal Kafadar: Between Two Worlds: the Construction of the Ottoman State», *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 60/1 (1997): 211–212; Linda Darling, «Contested Territory: Ottoman Holy War in Comparative Context», *Studia Islamica* 91 (2000): 133–163; Heath Lowry, *The Nature of the Early Ottoman State* (Albany: State University of New York Press, 2003).

¹⁶⁹ Бейлик – феодальное владение в Анатолии под управлением бей. – Прим. пер.

¹⁷⁰ Азиз Сами Илтер, пускай и не останавливаясь на вопросе преемников наших пиратов, также говорит о газы в своем двухтомном труде «Şimali Afrika'da Türkler» («Турки в Северной Африке»). Идрис Бостан описывает, как наши корсары вели религиозную войну соответственно исламскому праву: «Эти морские газы регулярно подносили падишаху принадлежащую

Столь древнее занятие, как пиратство, существовавшее еще до того, как османы, турки, испанцы, мусульмане и христиане впервые начали каботаж в Средиземном море и оттуда вышли в океан, упорно изучается в «османском» контексте и, соответственно, в рамках парадигм, которые в этом контексте главенствуют. Несложно представить, какая преобладающая парадигма кроется и за словами «морские гази», как называют пиратов.

Как видим, когда речь заходит о корсарстве, дискуссии весьма поверхностны и газа сводится к войне за веру. Тем не менее 25 лет тому назад Джемаль Кафадар показал, что историки на международном уровне превратили теорию Виттека в карикатуру и применяют ее только в связи с религиозным фанатизмом¹⁷¹. Положение не отличается и тогда, когда в исторической литературе заходит речь о пиратстве. Ни гази Виттека, принимавшие к себе всех и каждого (*inclusivist*), ни идентичности налетчиков, о которых говорит Кафадар, в ней не фигурируют; газа рассматривается лишь как священная война, вдохновляемая религиозным рвением.

К парадигме этой священной войны обращаются и западные историки – но с совершенно противоположными результатами. Под влиянием современных политических дискуссий их работы скорее переполнены не благоговейным трепетом, а критикой. В их представлении гази, опьяненные религиозным фанатизмом, несовместимы с экономической рациональностью и военной этикой; они – всего лишь варвары, покорные воле джихада, который призывает их угнетать христиан¹⁷².

Но неужели вера – это и впрямь главный мотив корсаров? Как оценить космополитическое общество Северной Африки и границу Западного Средиземноморья в пределах «парадигмы гази»? Можно ли говорить о периодах, когда эта религиозная мотивация ослаблялась или наоборот – усиливалась за те двести лет, которые нас интересуют?

Как нам читать «Газават Хайреддина-паши»?

Конечно же, роль гази для османских пиратов Средиземноморья – это не творение современной историографии. Корсары сами провозгласили себя гази, когда вошли в систему осман-

„главе государства“ пятую часть добытого в доказательство того, что их набеги соответствуют законам шариата». Понятно, что налоги, взимаемые с корсаров за предоставляемые им услуги в портах, не сделали бы из них гази. В целом, даже если право бейлика, чтобы соответствовать шариату, подстраивалось под сбор хумса или же пенчика (пятая часть военных трофеев в суннизме), отчего швартовой сбор (седьмая часть добычи) был поднят до одной пятой, корсары выплачивали хозяевам портов подобные налоги по всему Средиземноморью. Кроме того, напомним, что пираты нерегулярно отдавали Стамбулу часть трофеев, пусть даже и постоянно посылали в столицу подарки с пижками (денежное подношение османскому султану за назначение на должность). Если по теме и есть что-либо определенное, то это оценка корсарских набегов на христианские земли, которую Бостан сделал в контексте разделения мира на Дар-уль-Харб (*dârü'l-harb*, территория войны) и Даруль-Ислам/*dârü'l-İslam*, территория ислама) в исламском праве. Бостан откровенно приспособил к истории османского мореплавания парадигму гази, развитую для османских налетчиков, действующих на суше. «Морские корсары подобны гази-налетчикам османской армии; движимые лишь духом гази и желанием добычи, они столь же организованны, как и войска на твердой земле». İdris Bostan, *Adriyatik'te Korsanlık: Osmanlılar, Uskoklar, Venedikliler, 1575–1620* (İstanbul: Timaş Yayınları, 2009), 19–21. Мой учитель Халил Иналджик – да покоится он в раю – также подчеркивал, что османских пиратов надо называть морскими гази и в программе «Арты» на телеканале NTV за 29 марта 2011 года, и развил тезу до того, что посчитал их освободителями Северной Африки от оккупантов-христиан, упрекнув в невежестве Муаммара Каддафи, главу Ливии, обвинившего турецких корсаров в захвате его страны. Безусловно, историческая миссия, возложенная на османских корсаров, украшена не только религиозными мотивами. Османское пиратство Средиземноморья служило и турецкому национализму, расцветшему в XX веке. В произведениях Али Рызы Сейфи наряду с героизмом, проявленным корсарами ради ислама, выделена и их «турецкость». Этот стиль поэта и писателя Сейфи побудил многих романистов драматизировать османское корсарство. Сам автор был моряком и, видимо, достаточно хорошо знал западные источники, к которым исследователи османской истории сейчас почти не обращаются. См. Ali Rıza Seyfi, *‘Osmanlı Meşâhîr-i Bahrîyyûnı: Kemâl Reîs ve Baba Oruc (Dersâ’âdet: Seha’î Matba’âsı, 1325)*; a.g.y., *Turgud Reis (Dersâ’âdet: İkbâl Kütübhânesi, 1327)*; a.g.y., *Barbaros Hayreddin (Dersâ’âdet: Şems Matba’âsı, 1326–1328)*.

¹⁷¹ Kafadar, *Between Two Worlds*, 49.

¹⁷² Если нужен пример, то Джон Вульф, говоря о том, как корсары пускали в море кровь жертвенных животных, замечает, что они делали это так, будто вели джихад, проливая кровь христиан. John B. Wolf, *The Barbary Coast: Algeria under the Turks, 1500 to 1830* (New York and London: W. W. Norton & Company, 1979), 143.

ской власти и прибыли с пограничья Северной Африки в Стамбул. А одним из самых важных примеров их усилий стал «Газават Хайреддина-паши» – произведение, написанное для Хызыр-реиса (он же Барбарос Хайреддин-паша) после того, как он прибыл в Стамбул. Собственно, с Хызыр-реиса и началось сотрудничество между столицей Османского государства и Алжиром. Несомненны и исламский тон текста, и его акцент на газе, который надлежит расценивать как пропагандистский. Братья Хызыр и Оруч в нем заняты скорее молитвой и служением Аллаху, а не корсарством; преданные исламу, они владеют обширными знаниями о нем и даже некоторыми мистическими способностями. Во многих местах «Газавата» подчеркнуты благородные черты братьев: вот «старец со светлым сердцем», явившись Оручу-реису во сне, желает ему терпения в Родосском плену¹⁷³ и советует начать газу, когда Оруч, потеряв руку, возвратится на остров Мидилли (Лесбос)¹⁷⁴; вот Оруч говорит об исламе христианам, убеждающим его обратиться в их веру¹⁷⁵; вот монах-католик восхваляет религиозные обеты Оруча¹⁷⁶; вот Оруч по велению судьбы лишается руки¹⁷⁷; вот братья Хызыра по вере, андалузские мусульмане, сбежав из Испании на корабле, совершают то, что до сих пор не удавалось османскому султану¹⁷⁸; вот Хызыр побеждает в религиозном споре католического священника, и тот, ошеломленный ученостью корсара, почти принимает ислам¹⁷⁹; вот, наконец, в 1529 году Айдын-реис (тур. айдын – светлый, просветленный) по дороге в Алжир видит Хызыра во сне – и, узнав от него о приближении вражеских судов, одерживает великую победу над испанским адмиралом Портуондо...¹⁸⁰

«Газават», скорее всего, написан с целью укрепить позиции Хайреддина-паши и корсаров в Стамбуле, а не для того, чтобы очертить исторический фон первых лет их корсарства. Поэтому произведение надо оценивать в свете соперничества пиратов-авантюристов, не получивших классического османского образования, и хитроумных пашей Эндеруна¹⁸¹ с их элитарным сознанием. Главные доказательства упомянутой конкуренции, которую мы рассмотрим более подробно в разделе 12, скрыты в самом «Газавате». Так, «некоторые мунафики»¹⁸² в Стамбуле выступили против назначения Хайреддина на должность капудана-ы дерья¹⁸³ и нашептали падишаху, что тот сбежит в Алжир вместе с флотом (313b-314a). Еще через два

¹⁷³ Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 11b-12a, s. 50.

¹⁷⁴ Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 56a-57a, s. 73.

¹⁷⁵ «Нет никого, чтобы быть рабом его, кроме только всевышнего Аллаха, ведь он – сотворивший все существующее из ничего; никто не смеет взирать на Него, Он вдалеке от всякого места и достояние – основание Его; и превосходство посланничества, к Нему обращены мольбы грешников, а также всех существ восхваление, и Мухаммад аль-Мустафа – мир ему и благословение Аллаха – излюбленный раб Его». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 13a-14a, s. 51.

¹⁷⁶ «Будьте осторожны, мы не разговариваем с пленником, которого зовут Оруч-реис, поскольку я вижу, что он превосходно сведущ в мусульманском пути. Я полагаю, что он – священник превыше меня, и если попытаетесь отвести его от веры, дабы не умножилось нечестие, боюсь, он вас всех сделает турками». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 14a, s. 52.

¹⁷⁷ «Если бы я и не был там, все равно предрешено было прийти ему на место предназначения и предопределения... К тому же, Оруч-реис был ученым и в науке превосходил Хайреддина-реиса». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 44a, s. 67.

¹⁷⁸ «И не было никакой помощи им от падишаха из династии Османов». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 45b, s. 67.

¹⁷⁹ «Гази Хайреддин-реис – да пребудет на нем милость Аллаха – почти обратил священника в ислам. Тот от души сознался: „Этот диавол – священник превыше меня; его не превзойти. Что же, да возлюбим друг друга...“». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 128a, s. 110.

¹⁸⁰ «Определенно, не осталось ни тени сомнения, ни колебания в сердце моем относительно того, что Коджа Хайреддин-паша [тур. коджа – старый, старший, великий] – да сопутствует Аллах ему, если будет воля Его – происходит из сословия всезнающих и всевидящих божьих угодников». Seyyid Murâd, *Gazavât-ı Hayreddin Paşa*, vr. 242b-243a, s. 168–169.

¹⁸¹ Эндерун – внутренние покои султанского дворца Топкапы и дворцовый центр подготовки управленческих кадров, существовавший в Османской империи с середины XV по начало XIX века. – *Прим. пер.*

¹⁸² Мунафик (араб.) – исламский термин, которым обозначают лицемера. Мунафик внешне показывает себя набожным мусульманином, но не является верующим. – *Прим. пер.*

¹⁸³ Капудан-ы дерья (осм. от перс. «дерья» – море) или капудан-паша – титул главнокомандующего флотом Османской империи. – *Прим. пер.*

года «господа визири» уговорят султана совсем снять Хайреддина-пашу с должности, убедив, что тот не возвратится в Стамбул. Сейид Муради, автор «Газавата», пишет об этом с тонким подтекстом, говоря, что в Стамбуле «тысячу завистников можно купить на один акче – и лишь Аллах поможет человеку» (340b-341a). В то же время о «племени двуликих господ», не стерпевших того, что падишах хвалил Хайреддина, говорит следующий бейт (350b):

*Зависть в сердце врага благостью не искоренить,
Огонь, скрытый в камне, водою не затушить.*

Тревога, связанная с авторитетом Хайреддина, заметна еще там, где текст повествует о периоде, когда Хайреддин был *primus inter pares* в обществе османских корсаров Западного Средиземноморья. Если бы проблема заключалась только в оценке исторических фактов или же, по крайней мере, в описании газы, то в «Газавате» нашлось бы заслуженное место и другим влиятельным реисам, скажем, таким как Чифут Синан (он пиратствовал не меньше Хызыра, совершая свои набеги с базы на острове Джерба в 1520-х годах) или же Айдын-реис (он в 1529 году одержал важную победу над Габсбургами, о которой мы упоминали выше)¹⁸⁴. Впрочем, как заметил и Родс Мерфи, Сейид Муради стремился вывести на передний план только Хызыра и Оруча, что в очередной раз подтверждает: музыку заказывает тот, кто платит¹⁸⁵.

Итак, написанный в этих условиях «Газават» был попыткой создать вокруг Хайреддина ореол газы – и потому мир пограничья был описан через мотивы и метафоры, очень часто используемые в османских источниках классического периода. Ведь османские летописцы, в отличие от современных им европейских хронистов, составляли свои произведения не для того, чтобы о чем-то сообщить, что-то оценить и что-то уточнить – но, видимо, расценивали их как литературный жанр. По сравнению с текстами Санудо, Приули¹⁸⁶ или Сандовалья¹⁸⁷ произведения таких летописцев, как Лютфи-паша¹⁸⁸, Селяники¹⁸⁹ и Печеви¹⁹⁰ весьма проигрывают в детализации и точном описании событий. По сути, «Газават» принадлежит к той же традиции, что и сочинения указанных османских историков, а также составлен под патронажем, поэтому автор при необходимости спокойно игнорировал самые очевидные исторические сведения. Это произведение, непрестанно восхваляющее героизм газы, написано для чтения вслух перед аудиторией. Отчасти из-за этого автор не озаботился хронологической цельностью текста; он повествует о событиях в запутанной форме без контекста и связи с исторической последовательностью¹⁹¹.

¹⁸⁴ Lane-Poole, *The Barbary Corsairs*, s. 57–58; Arıkan ve Toledo, *Türk-İspanyol İlişkileri*, 200–201; Marino Sanudo, *I diarii di Marino Sanuto (MCCCCXCVI-MDXXXIII) dall' autografo Marciano ital. cl. VII codd. CDXIX–CDLXXVII*, yay. haz. Federico Stefani, Guglielmo Berchet ve Nicolò Barozzi (Venezia: F. Visentini, 1879), LII. cilt, süt. 208–209.

¹⁸⁵ Murphey, «Seyyid Muradî's Prose», 528–529.

¹⁸⁶ Girolamo Priuli, *I Diarii di Girolamo Priuli (AA. 1494–1512)*, yay. haz. Arturo Segre ve Roberto Cessi (Città di Castello: Casa Editrice S. Lapi, 1912–1938), 4 cilt.

¹⁸⁷ Prudencio de Sandoval, *Historia de la vida y hechos del Emperador Carlos V, maximo fortissimo Rey Catholico de España, y de las Indias, Islas, y Tierra Firme del Mar*.

¹⁸⁸ Lütüfî Paşa, *Tevârih-i Âl-i Osman*, yay. haz. Kayhan Atik (Ankara: T.C. Kültür Bakanlığı Yayınları, 2001).

¹⁸⁹ Selânikî Mustafa Efendi, *Tarih-i Selânikî*, yay. haz. Mehmet İpşirli (Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1999), 2 cilt.

¹⁹⁰ Peçevi İbrahim Efendi, *Târîh-i Peçevi* (İstanbul, H. 1283). Как бы мы ни оспаривали использование «Истории Печеви» даже с неакадемической целью, но все же обязаны издать ее в облегченном турецком варианте. Peçevi İbrahim Efendi, *Târîh-i Peçevî*, yay. haz. Fahri Ç. Derin ve Vahit Çubuk (İstanbul: Enderun Kitabevi, 1980).

¹⁹¹ Как заметил недавно Родс Мерфи, «Газават» – несравненный источник для изучения ценностных ориентиров и мотивов ранних османских пиратов. К тому же Мерфи справедливо замечает, что Сейид Муради был вынужден опираться на устные источники, повествуя о 1515–1535 годах, и не мог ни полноценно датировать события, ни подробно о них рассказать. Murphey, «Seyyid Muradî», 521.

Оксюмороны¹⁹² пограничья: мюхтэди, христиане и еврейские газы

В предыдущем разделе мы упомянули о том, сколь разнообразны были религиозные и этнические истоки корсаров. И, наверное, нам было бы трудно нанести серьезный удар по «этосу газы», если бы мы просто сказали, что мюхтэди (отступники от мусульманской веры, позже вновь принявшие ислам) сыграли свою роль в корсарстве наряду с выходцами из мусульман. Но мы пошли дальше. Огромное множество выходцев из девширме, вошедших в число управителей Османской империи, еще не свидетельствует о том, будто ее воины не вели газы, – и наличия пиратов-мюхтэди недостаточно, чтобы доказать, будто религия не была основным мотивом корсаров.

Здесь следует обратить внимание на две особенности, отличающие корсаров-ренегатов от мюхтэди, воспитанных в Эндеруне. Во-первых, отметим, что наши корсары-мюхтэди не имели никакого образования – в отличие от девширме XVI века, которых в Эндеруне или же оджаке янычаров знакомили с османской и исламской культурой. Мы знаем, что пленников, решивших принять ислам, обучал какой-либо учитель; однако это не идет ни в какое сравнение с образованием, получаемым во дворце или в армии. С другой стороны, если к толкованию произведений таких клириков-католиков, как Эро, который объявил реиса Али Биджинина безбожником, не знающим книг¹⁹³, действительно следует подходить осторожно, применить этот «осмотрительный» подход, скажем, к словам венецианского байло у нас уже не получится. Вопреки заверениям Эро, этот опытный дипломат не преследовал никаких пропагандистских намерений и в своей реляции обращался не к предвзятым читателям, а к узкому кругу сенаторов – закрытому олигархату. Так вот, байло признаёт, что адмирал османского флота Улудж Али (Кылыч Али-паша) на вершине своей славы оставался совершенно безграмотным¹⁹⁴. В анонимном саркастическом стихе о нем с осуждением сказано: «Жесток и беспощаден // Кафир – и так суров // Как скажет „по“ – никто его // Не склонит на добро»¹⁹⁵. Строки наводят на мысль, что Улудж Али очень плохо разговаривал на турецком. Улудж Хасан-паша, его преемник, на момент назначения бейлербеем Алжира в 1577 году знал всего двадцать пять турецких слов; получается, что четырнадцать лет, проведенные в Дар уль-Исламе (и из них пять – в Стамбуле) не очень способствовали делу¹⁹⁶.

¹⁹² Оксюморон – сочетание противоречащих друг другу слов или понятий.

¹⁹³ «Il vivoit quasi comme un athée.» (фр. «Он жил почти как безбожник»). Merouche, *La course: mythes et réalité*, 190; Lucien Herault, *Les victoires de la charité ou la Relation des Voyages de Barbarie faits en Alger par le R. P. Lucien Herault, pour le Rachapt des François Esclaves aux années 1643.&1645* (Paris: Louis Boulanger, 1646), 33. Меруш дает эту ссылку, но на обозначенной им 33-й странице нет такого выражения.

¹⁹⁴ Байло Джанфранческо Моросини подал эту relazione венецианскому сенату в 1585 году. Eugenio Albèri (yay. haz.), *Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto* (Firenze: Società Editrice Fiorentina, 1839–1863), IX. cilt, 291.

¹⁹⁵ Nusret Gedik, «Gemicî Dili ile Kılıç Ali Paşa Hicviyesi», *Türk Kültürü İncelemeleri Dergisi* 37 (2017), 154.

¹⁹⁶ «...che appena sa dir vinticinque parole in Turchesco.» (итал. «который едва ли знает, как сказать хотя бы двадцать пять слов по-турецки») ASV, SDC, fl. 11, fol. 103v (20 мая 1577).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.